KØBENHAVNS UNIVERSITETS SLAVISKE INSTITUT

Славянский институт Копенгагенского университета

Materialer I

Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу

Rosenkilde and Bagger . Copenhagen 1976

Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу

Составление, подготовка текста,
предисловие и примечания
П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера

Letters from A.M. Remizov and V. Ja. Brjusov to Aage Madelung
Edited and introduced by P. Alberg Jensen and P.U. Møller

Rosenkilde and Bagger
Copenhagen 1976

Studier 1.
Knud Rasmussen: Die livländische Krise 1554-1561. 1973.

Studier 2.
Ole Vesterholt: Tradition and Individuality. A study in Slavonic Oral Epic Poetry. 1973.

Studier 3.
William Thorndahl: Studier over genetivens og lokativens -y/-ю-endelser i russiske middelaldertekster. 1974.

Studier 4.
Hans Bagger: Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad. En studie i det slesvigske restitutionsspørgsmål. 1974.

Studier 5.
Niels Erik Rosenfeldt: Knowledge and Power. The Role of Stalin's Secret Chancellery in the Soviet System of Government. (Forthcoming).

Materialer 1.
Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу. Публикация П. Альберга Енсена и П.У. Меллера. 1976.

Pis'ma A.M. Remizova i V. Ja. Brjusova k O. Madelungu

Printed in Denmark by Andelsbogtrykkeriet i Odense
ISBN 87 423 0216 1

Содержание

Портрет О. Маделунга (Вологда, начало 1900-х годов).

Предисловие

Когда в 1904 г. начал выходить знаменитый журнал *Весы,* то во внушительном списке его сотрудников значилось и датское имя. Это был Оге Маделунг. И хотя тогдашней читающей публике это имя было менее известно, чем имена других участников журнала, оно способствовало созданию вокруг *Весов* интернациональной атмосферы, к чему так сознательно стремилась редакция.

Но как же произошло, что именно Оге Маделунг, который в 1904 г. был экспортером масла в Вологде и ни в Дании, ни в России не имел литературного имени, попал в фокус внимания русских писателей, развивавших литературный модернизм ?

Архив Оге Маделунга, хранящийся в Королевской Библиотеке в Копенгагене, содержит 40 писем от Алексея Михайловича Ремизова и 7 писем от Валерия Яковлевича Брюсова. В советских архивах обнаружено 15 писем от Маделунга к Брюсову и 7 к Ремизову. (1) Этот материал показывает, что важнейшим контактом Маделунга с тогдашней литературной средой были эти два писателя, и что этот контакт был установлен в Вологде.

Вологда, в качестве места ссылки, переживала на рубеже века время особого духовного расцвета. Среди приезжих, оказавшихся в Вологде не по собственной воле, были такие выдающиеся личности как А. В. Луначарский, А. А. Богданов, П. Е. Щеголев, Н. А. Бердяев, Б. В. Савинков и И. П. Каляев. В 1902 году к колонии примкнул 25-летний Алексей Михайлович Ремизов. С 1899 года он находился в ссылке в Усть-Сысольске, но с помощью Щеголева и Савинкова он получил разрешение на проживание в Вологде до весны 1903 г.

Об этом периоде своей жизни Ремизов рассказал в целом ряде мемуарных отрывков, которые он писал и публиковал в разное время на протяжении многих лет своей жизни в Париже. Впоследствии он объединил эти отрывки в книгу воспоминаний *Иверень.* (2) В *Иверне* мы также найдем упоминание о датчанине Оге Маделунге. Из опубликованного в 1927 г. отрывка *Северные Афины* явствует, что Маделунг общался с будущими знаменитостями. (3) А в отрывке *Москва,* который был напечатан в 1949 году, Ремизов пишет: *В Вологде жил экспортер масла датчанин Ааге Маделунг. По-русски он едва лепетал. Любил книги, так мы и познакомились, но в голову ему не приходило сделаться русским писателем. Поддавшись вологодской* литературной стихии *- все писали: Бердяев, Луначарский, Щеголев, Савинков - он решил сам написать фантастический рассказ, но и не по-датски, а по-русски. И написал. Называется рассказ* Сансара. *Я, конечно, приложил руку - иначе вроде Фальковского, на ни-на-каком языке. И в моей обработке Маделунг попал к Брюсову. Рассказ неожиданно для всех нас появился в* Весах. *Одновременно и я послал свое, но мое осталось безответно.*

В чем дело ? Это было загадкой не только для меня, но и для Щеголева и для Савинкова.

После ссылки мне было ограничение пять лет: ни в Москву, ни в Петербург. Ограничениям по природе своей я не подлежу. И при первой возможности я пробрался в Москву. Это был памятный день - похороны Чехова. На похороны совать нос мне не рука, все-таки ходи с оглядкой, а в Метрополь к Брюсову я пошел.

И тут загадка разрешилась.

Брюсов, возвращая мне мои рукописи, весь мой 'шурум-бурум', широко разиня рот - я очень помню эту красную пасть:

'Нам не подходит, - сказал он, - на нашем сером (я понял 'европейском') это ваше русское - заплата: кусок золотой парчи'.

И тут я вспомнил Видоплясова, его галстук 'аделаидин цвет'. Так повелось: все, что хотите, только чтобы звучало 'аграфенино' на иностранный лад.

'Известно: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное, а Аграфеной (неприличное имя) могут назвать всякую последнюю бабу.' (4)

Рассказ Ремизова содержит некоторые неточности. (5) Но автор, как мы увидим в дальнейшем, был несомненно прав в том, что предпочтение, которое редакция *Весов* оказала Маделунгу, было связано с тем, что он был иностранцем.

Оге Маделунг родился в Швеции в 1872 году. Его родители были датчане, и в школе он учился в Дании. Некоторое время он занимался сельским хозяйством в Дании и Швеции. А в 1893 году он приехал в Россию, где работал два года управляющим в больших имениях. В 1895 Маделунг уехал на родину, но в 1897 году он опять отправился в Россию, на этот раз в Вологду в качестве скупщика и экспортера масла. Он женился, у него появились дети и, очевидно, он сжился со всем русским. Незабываемое впечатление произвела на него культурная жизнь Вологды. Но в связи с политическими событиями 1905 г. деятельность иностранных фирм по закупке масла переместилась в Сибирь; и в 1906 г. Оге Маделунг окончательно покинул Россию. Этим и окончились его попытки завоевать признание в качестве русского писателя.

Как нам представляется, главный интерес публикуемых материалов заключается в тех деталях, которые отчасти дополняют биографию Алексея Ремизова, а также освещают конкретную деятельность Валерия Брюсова в качестве редактора *Весов*. Здесь мы считаем необходимым охарактеризовать и литературные попытки Маделунга, которые многократно упоминаются в публикуемых письмах.

Письма от Алексея Ремизова к Оге Маделунгу свидетельствуют, что в 1902 - 1903 гг., когда Ремизов жил в Вологде, между ними возникли дружеские отношения. Как вспоминает Ремизов (см. выше), их сблизил интерес к современной литературе. Для колонии в Вологде именно 1902 г. был богат литературными событиями. В тот год дебютировали и Луначарский, и Савинков, и Ремизов. Именно тогда Ремизов в первый раз за годы ссылки отправился в Москву своего рода посланником к Брюсову. Визит оставил свой след в дневнике Брюсова: *Пришлось познакомиться с целым рядом новых и молодых./.../ Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. Этот Ремизов немного растерянный маньяк, если не сыщик.* (6) По-видимому, тогда же обращается к Брюсову и Маделунг - с той же целью, что и его друг Ремизов: они предлагают Брюсову свои произведения для опубликования в альманахе *Северные цветы* или в журнале *Новый путь*. Вскоре после этого они расстаются, так как Ремизов в мае 1903 г. покидает Вологду. Он переезжает в Херсон и становится там 'заведующим репертуаром' в театре В.С. Мейерхольда 'Товарищество Новой

Драмы'. Переписка Ремизова с Маделунгом началась летом 1903 г.

Большая часть писем Ремизова относится к 1903-1905 гг. Они отражают усилия писателя способствовать развитию современного театра и, в особенности, его неудачные попытки стать русским переводчиком Станислава Пшибышевского. В этих письмах приводятся подробности его странствий по южной России, пока в 1905 г. он не поселяется в С.-Петербурге. Они показывают, с какими трудностями был написан и опубликован ряд его значительных произведений (7). Но они свидетельствуют также о той помощи, которую Ремизов оказывал Маделунгу в его стараниях закрепиться в тогдашней новой литературе.

В 1903 г. Маделунг посылает Брюсову упомянутый Ремизовым рассказ *Сансара.* Брюсов не отвергает его, но веско критикует и выражает удивление замыслу Маделунга писать по-русски. Маделунг обстоятельно объясняется. Но Брюсов обращается к нему снова, по-видимому, только по новому поводу - в январе 1904 г. он предлагает Маделунгу стать окном в датскую литературу для нового журнала *Весы*. Маделунг с радостью принимает предложение. Однако впоследствии их интересы расходятся. Интерес Брюсова к Маделунгу ограничивается возможностью для *Весов* получать информацию о датской культурной жизни. Маделунг же расценивает эту работу как звено в своих стараниях быть замеченным в качестве писателя. Его конкретный вклад в *Весы* сводится к трем рецензиям в течение первого года издания журнала. (8) В тот же период он посылает Брюсову и рассказ *Цвет познания*, и новую версию *Сансары,* переработанную с помощью Ремизова, а также осведомляется об интересе Брюсова к пьесе *Род Ультра,* над которой он работает. Таким образом он явно недооценивает своей сильной стороны в данной литературной ситуации - своей связи с датской культурой. И в той же степени он переоценивает свои возможности в качестве русского писателя и желание Брюсова помочь ему. Ему ничего не удается напечатать в 1904 г. К концу года его надежды обращаются на друзей из Вологды: Ремизов передает *Сансару* Бердяеву, который теперь редактор *Вопросов жизни,* а потом просит Щеголева прочитать пьесу *Ультра.* Но произведения Маделунга все еще не вызывают восторга, и в марте 1905 г. он пишет в своем последнем письме к Брюсову, что сам не придает больше публикации прежнего значения. В следующем месяце вышел альманах *Северные цветы* 1905, содержавший *Цвет познания*. Таким образом, Маделунг успел, незадолго до окончательного отъезда на родину, оставить свой скромный след в русской литературе.

Можно спросить, почему Брюсов именно Маделунгу предложил сотрудничество в *Весах*. Почему он не обратился к признанному писателю или критику в Дании или к такой известной в России личности как Тор Ланге ? Ответы возможны разные. *Весы* были задуманы как орган *нового* поколения. Вологодские контакты Маделунга были известны Брюсову, а его письма и *Сансара* выдавали в нем восторженного приверженца модернизма. К тому же Маделунг часто ездил и, таким образом, осуществлял стремление *Весов* к непосредственным контактам с новыми движениями в датской и скандинавской литературе.

Неудивительно, что литературные попытки Маделунга были встречены с осторожностью Брюсовым. Ни *Цвет познания,* ни значительно более амбициозная *Сансара* не представляют собой эстетической ценности. Все-таки полный текст *Сансары* приводится в приложении, во-первых потому что она часто упоминается в письмах Ремизова и Брюсова - в особенности рельефно выделяется на ее фоне

критика Брюсова. Во-вторых рассказ ярко отражает литературную моду того времени, как ее воспринимает восторженный иностранец. Подобный документальный интерес представляет перевод Ремизовым *Тоски*. Как явствует из *Иверня*, именно это произведение вызвало увлечение Ремизова Пшибышевским. Письма Ремизова к Маделунгу свидетельствуют, что для них *Тоска* была почти символом литературного салона вологодских времен. Неудивительно, что сравнение *Тоски* с *Сансарой* обнаруживает значительную зависимость последней от Пшибышевского, на что скромно намекнул и Брюсов в своем первом письме к Маделунгу. *Тоска* и *Сансара* - каждая своим образом - иллюстрируют тогдашние литературные увлечения.

В то время как переписка между Брюсовым и Маделунгом концентрируется около 1904 г., Ремизов поддерживал связь со своим датским другом и после его отъезда в 1906 г., хотя и с нарастающими перерывами. Некоторое время Ремизов безуспешно пытается протолкнуть новую пьесу Маделунга *Рабы ночи*, видимо последнюю попытку датчанина в России. Потом он сообщает преимущественно подробности о собственных издательских затруднениях. В 1912-1922 гг., когда Маделунг жил в Швейцарии и Германии, связь была, очевидно, прервана. После ее возобновления в 1922 г., в письмах Ремизова говорится о материальных трудностях, которые, как и раньше, преследовали его на протяжении всей жизни в эмиграции.

В то время как Ремизов еще только организовал первые переводы своих произведений, Оге Маделунг был уже давно известным писателем в Германии. В первые годы после России он опубликовал в датских журналах ряд коротких рассказов и статей на русские темы. Некоторые из них были собраны в его первых двух книгах *Jagt på Dyr og Mennesker* (Охота на зверей и людей), 1908, и *Opbrud* (Перелом), 1909. Но настоящую известность ему принес роман *Elsker hverandre* (Возлюби ближнего своего), 1912, в котором речь идет о судьбе евреев в начале века в России. Его произведения получили широкое распространение в Германии, а затем в Венгрии, впоследствии он был переведен на еврейский, голландский и шведский языки. Во время Первой мировой войны Маделунг был корреспондентом немецких газет на Восточном фронте. Его репортажи составили две книги. В 1918 в Лейпциге вышла утопическая сатира *Zirkus Mensch* (Человек из цирка). Она стала самым популярным произведением Маделунга. В Германии она была напечатана в количестве 90.000 экземпляров, но на датский язык переведена не была. За весь период 1908-1920 гг. Маделунг находился в Дании очень короткое время, и, таким образом, речь здесь идет о писателе необычайно космополитического характера. После возвращения на родину в 1920 г. Маделунг опубликовал еще один роман и несколько сборников рассказов. (9) Его знали и читали в Дании, но он так и остался несколько чуждым датской публике. В 1949 г. он умер, и был относительно быстро забыт.

Годы, проведенные в России, имели большое значение для Маделунга. Целый ряд его произведений создан на русском материале и тематике. В двух ранних очерках и в романе *Возлюби ближнего своего* отразились революционные события 1905 г., которые произвели сильное впечатление на писателя. К сожалению, он не оставил воспоминаний о времени, проведенном в Вологде. Русская тематика у Маделунга - это природа, быт, а не литературные портреты. Маделунг стал настоящим новеллистом. Его рассказы классически по жанру - они остросюжетны,

скомпонованы вокруг драматического события. Ясно, что автор лучше какого-либо другого датского писателя познал русскую природу и русского человека. Но весь свой богатый материал он подчиняет чисто литературным задачам. В ряде произведений фигура рассказчика несомненно автобиографична - в некоторых действие даже начинается в известной вологодской гостинице *Золотой якорь* - но произведения писателя не докуменьтальны, целью его остается создание интересного рассказа, часто почти приключенческого характера. Стиль *Сансары* и *Цвета познания* не показателен для дальнейшего творчества писателя. Сам Маделунг расценивал свои произведения на русском языке как увлечение юности, а рукописи, которые странствовали по письменным столам Ремизова и Брюсова, так и не были изданы.

Его дружба с Ремизовым может показаться неожиданной. Маделунг должно было быть чуждо ремизовское восприятие человека как орудия слепого рока. Письма от Ремизова также указывают на то, что точкой их соприкосновения была преимущественно литература. Более тесная дружба завязалась вероятно между Маделунгом и другим жителем Вологды - Борисом Савинковым. Известно, что после Революции Савинков посещал Маделунга в Дании. Ремизов в *Иверне*, в отрывке о Савинкове, приводит его высказывание о том, что Маделунг несколько раз спасал жизнь Савинкову. (10) Однако в архиве Маделунга нет никаких следов этой дружбы. Возможно, что он сам уничтожил их.

Маделунг перевел на датский язык два русских произведения. В 1905 г. он перевел рассказ Леонида Андреева *Большой шлем*, а в 1909 г. он выполнил, по датским условиям необычайно быстро, перевод нашумевшей книги Бориса Савинкова *Конь Бледный*. Но зато ему не удалось удовлетворить просьбы Ремизова познакомить датскую публику с его творчеством. Ни одно из произведений Ремизова на датский язык не переведено.

Авторы выражают благодарность за предоставленные материалы и оказанное содействие Королевской библиотеке в Копенгагене, Институту русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Институту мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького в Москве. Благодарим также Statens humanistiske Forskningsråd (Государственный совет по гуманитарным исследованиям) за средства, предоставленные для опубликования материала. Авторы выражают признательность Георгу Маделунгу, доктору филолог. наук Кнуду Расмуссену, а также канд. филолог. наук К.М. Азадовскому (Ленинград) за ценные советы и помощь. Особую благодарность мы приносим доктору Хорсту Лампл (Вена) за ценные критические наблюдения и множество добавочных сведений, которые он нам любезно предоставил. Мы благодарим Софию Вестерхольт за перевод наших комментарий и предисловия, а также за ряд замечаний к тексту писем.

При публикации писем и двух рукописей применяется современное правописание. Явные описки в оригинале исправлены. Пунктуация дополняется точкой или запятой там, где их явно не хватает. Особенно часто отсутствуют знаки препинания в поздних письмах Ремизова, по-видимому, вследствие каллиграфических стараний автора.

/ / в тексте писем означает, что буква реконструирована.

В примечаниях используются следующие сокращения:

Соч. - Алексей Ремизов, *Сочинения,* т. 1-8, изд. 'Шиповник' и 'Сирин', СПб., 1910-1912.

Кодр. - Наталья Кодрянская, *Алексей Ремизов,* Париж 1959.

Письма Ремизова нумеруются по порядку римскими цифрами. Примечания к отдельным письмам - арабскими цифрами. Например, XII, 2 указывает на письмо Ремизова № 12, примечание 2. Письма Брюсова отмечаются буквой Б перед римской цифрой, письма Маделунга - М перед римской цифрой.

(1) А.М. Ремизов, Письма к Оге Маделунгу, Det kongelige Bibliotek, København, Ny kongelig Samling 2418. В.Я. Брюсов, Письма к Оге Маделунгу, там же. А. Маделунг, Письма к В.Я. Брюсову, Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, фонд 386, к. 93, ед. хр. 21. Одно из писем Маделунга к Брюсову (письмо М X) находится в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, фонд 13, оп. 3 № 97. Из писем Маделунга к Ремизову удалось найти 7. Одно письмо 1906 г. находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, фонд 420, оп. 3, ед. хр. 14, 3 письма 1911 г. и 2 письма 1912 г. - в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, фонд 634, оп. 1, ед. хр. 43-44, одно письмо 1913 г. - в Институте русской литературы (Пушкинский дом), Р III, оп. 2 № 1633. Так как часть Маделунга в переписке с Ремизовым представлена очень неполно, письма эти в настоящей публикации не приводятся.

(2) *Иверень* не издан в собранном виде. В 1954 г. Ремизов вел переговоры об издании с Издательством им. Чехова, см. *Кодр.,* стр. 279-280. Один экземпляр хранится в архиве Ремизова в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Он состоит из вырезок - почти весь материал к *Иверню* был опубликован в разных местах. В последующих примечаниях мы ссылаемся на этот экземпляр и на место публикации, если оно установлено. По экземпляру ИРЛИ видно, что фрагменты из *Иверня* печатались в следующих источниках:
1. В журналах и альманахах - *Литературный Современник,* 1954, стр. 6-21, *Возрождение,* кн. 39, 1955, стр. 28-36, *Современные Записки,* кн. XXX, 1927, стр. 233-277, *Опыты,* кн. 4, 1955, стр. 33-37, *Новоселье,* кн. 39-41, 1949, стр. 1-15.
2. Ряд отрывков в газетах - *Новое Русское Слово* от 26. VIII, 18. XI, 25. XI, 2. XII, 16. XII, 30. XII 1951, 6. I, 13.I, 20. I, 27. I, 3. II, 10. II, 17. II, 24. II, 9. III, 23. III, 27. IV, 4. V, 11. V, 18. V, 3. VIII, 10. VIII, 17. VIII, 24. VIII 1952; *Последние Новости* от 13. III 1932; *Русские Новости* от 7. IV 1950.

(3) *Современные Записки,* кн. XXX, Париж 1927, стр. 244.

(4) *Иверень,* экземпляр ИРЛИ, стр. 207-208. Первоначально в *Новоселье,* кн. 39-41, Париж 1949, стр. 14-15.

(5) Например, *Сансара* Оге Маделунга не была напечатана в *Весах.* Ремизов, по-видимому, имеет в виду *Цвет познания,* опубликованный в 1905 г. в *Северных цветах.*

(6) В.Я. Брюсов, *Записная книжка 'Моя жизнь',* кн. 14, стр. 22, Библиотека им.

В.И. Ленина, фонд 386, к. 1, ед. хр. 16. Напечатана в кн. Валерий Брюсов, *Дневники, 1891 - 1910,* М. 1927, стр. 122. Слова 'если не сыщик' в этом издании не приводятся.

(7) В комментариях к письмам Ремизова мы часто ссылаемся на его письма к Брюсову того же периода. Это делается, отчасти, чтобы уточнить сведения, содержащиеся в письмах к Маделунгу, а также, чтобы выявить значение Брюсова для деятельности Ремизова, что не всегда ясно из писем к Маделунгу. См. Ремизов, А.М., Письма к Брюсову, В.Я., 1902-1905, Библиотека им. Ленина, фонд 386, к. 100, ед. хр. 13-14. К сожалению, мы не имели доступа к письмам Брюсова к Ремизову, которые хранятся в Гос. публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

(8) Оге Маделунг, рецензии на Thomas P. Krag, *Sorte Skove,* Kbh. 1903, *Весы*, 1904, 3, Johannes V. Jensen, *Madame D'Ora,* Kbhvn. og Kristiania 1904, *Весы,* 1904, 5. Herman Bang, *Mikaël,* Kbhvn. og Kristiania 1904, *Весы,* 1904, 8.

(9) Подробнее о библиографии Оге Маделунга, см. Svend Dahl, Ludvig Bramsen, Mogens Haugsted, Poul Engelstoft, *Dansk skønlitterært Forfatterleksikon 1900-1950,* Bind II, Kbhvn. 1960.

(10) 'С искренней любовью он всегда говорил о датском писателе М., который не раз спасал ему жизнь; /.../' На полях рукою Ремизова приписано 'Маделунге'. *Иверень,* экземпляр ИРЛИ, стр. 242. Эта главка *Иверня*, 'Савинков', первоначально напечатана в *Последних Новостях* от 13 марта 1932 г., стр. 2-3.

(11) Leonid Andreev,'Store Slem', *Hjemmets Noveller,* 2. Aargang 1905 - 1906, pp. 284-292. Leo ...., *Den bleggule Hest. En Terrorists Optegnelser.* Fra et russisk Haandskrift ved Aage Madelung, Kbhvn. 1909.

Гостиница 'Золотой якорь' в Вологде (начало 1900-х годов).

Письма А. М. Ремизова к О. Маделунгу

I

7 августа 1903.
Херсон, Ганибаловская, Новый
дом Бенович, кв. Гескис

Дорогой Аггей Андреевич!

очень благод/а/рен за Ваше письмо. Читал и чувствовал Вас. Клейкие листочки весенних обещаний, и астры, георгины и безумье безоглядочных призывов северной осени. Все смешалось и встало перед глазами, разорвалось и пошло, пошло...

Где то наш Ив. Плат., писал я ему на редак. 'Сев. Края', (1) ответа нет. Красивый он и бьющийся, выйдет ли, выберется ли?

Адрес Брюсова (Валерий Яковлевич)
Москва, Цветной бульвар, 24

Из нового: Метерлинк 'Жуазель'
О. Уайльд '   ' (название тюрьмы) поэма. (2)

Пишите 'Башню' (3), а Sansar'у (4) все же бросать не следует.

Перевожу сейчас 'Снег', (5) последнюю драму Пшибышевского.

Искренно говорю Вам, Вам бы прочел ее с чувством, а тут она пролетит вместе с воронами и растает, заклюется.

Может, напечатают в Нов. Пут/и/ (6)

Пока до свидания, надорвал руку перепиской и утомился содержанием переписки.

А. Рем.

Кланяйтесь.

(1) Ремизов познакомился с Иваном Платоновичем Каляевым (1877-1905) во время пребывания в Вологде в 1902 г., т.е. за три года до покушения Каляева на великого князя Сергея Александровича.

'Иван Платонович Каляев служил корректором в *Северном Крае* и часто наезжал в Вологду к Савинкову: их соединяла Варшава, вместе учились. Каляев верил Савинкову беззаветно.' А.М. Ремизов, *Иверень*, стр. 172; опубликовано в газ. *Новое Русское Слово* от 3 августа 1952 г. под названием 'Мое вступление в литературу.'

О Каляеве см. также II, 10. О сотрудничестве Ремизова в ярославской газете *Северный Край*, см. *Кодр.*, стр. 262-263.

(2) Oscar Wilde, *Ballad of Reading Gaol*, 1898. Ремизов возможно уже в 1903 г. был знаком с русским вольным переводом К.Д. Бальмонта (Оскар Уайльд, *Тюремная баллада (Баллада Рэдингской тюрьмы)*, М. 1904.

(3) Среди произведений Маделунга неизвестно ничего под таким названием. Однако, в архиве Маделунга в Королевской библиотеке есть недатированный лист с заглавием *Taarnet*, сопровожденным цитатой из *Visdoms Bog.* Возможно, цитата была задумана как эпиграф несохранившегося или ненаписанного произведения.

(4) В архиве О. Маделунга есть две рукописи рассказа *Сансара*. Одна - написанная по-русски самим автором, вторая - переписка, осуществленная А. Ремизовым. Вероятно этот экземпляр упоминается в письме XIII. См. приложение 1.

(5) В русской печати появилось несколько переводов пьесы Станислава Пшибышевского *Śnieg* (1903). На 4 из них была рецензия С. Ещбоева в *Весах* 1904, 5, стр. 55-56. (С. Ещбоев - псевдоним Сергея Александровича Полякова, владельца издательства 'Скорпион'). В ней резко критиковался перевод Ремизова (Станислав Пшибышевский, *Снег,* пер. Серафимы Ремизовой и Алексея Ремизова. Издание театральной библиотеки В.А. Соколовой, М. 1903): 'Эти переводчики знают польский язык совершенно по особенному: они почему-то убеждены, что каждое польское слово, похожее по звукам на какое-нибудь русское, и по значению ему соответствует.' Рецензент приводит множество примеров и заканчивает следующим образом: 'Мне не удалось видеть драмы Пшибышевского на сцене, но полагаю, что перевод в значительной мере способствовал затемнению многих мест пьесы и вполне оправдывает недоумение публики.' О постановке *Снега* см. II,8. О роли Пшибышевского в русской духовной жизни в первое десятилетие века см. Zbigniew Barański, 'Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku', (*Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego,* Seria A, 78), Wrocław 1962, pp. 121-126.

(6) *Новый путь,* литературно-философский журнал близкий к символистам, издавался в СПб. 1903-1904. Продолжал выходить в 1905 г. под названием *Вопросы жизни.*

II

9 сен. 1903, Херсон

Дорогой Аггей Андреевич!

Отвечаю сразу на два: задержался беготней и душа под обломками и мусором...

Впервые познал, что такое служить на жало/ва/ние и идти куда велят, оставлять дорогое, с незаглохшим стоном вычислять проценты. Странно Вам слышать: вся моя, *моя* деятельность в театре только в мечте, а пока нагружают земным и я несу, понимаете Аггей Андрееви/ч/, как верблюд несу. (1)

Письмо Вал. Б. (2) хорошее. Сегодня же напишу о Вас и знаю, увижу в С.Ц. (3) Ваше имя.

Пишите башню.

Кончил в 4 раз 'Огорел. Отрод.' (4) Переписываю начисто. Приступаю к Иуде (5). С помощью Серафимы Павловны (6) перевожу 'Над морем' (7). Да, я получил через одного знакомого артиста, ездившего к Ст. Пшибышевскому для переговоров о постановке 'Снега' в моем переводе. (8)

Не в похвальбу, а в правду: Пшибыш. находит перевод моей Тоски (9) таким,

о котором он 'не мог подумать, не мог погрезить'. Он 'ужаснулся родственности'. 'Крови, крови'.

(Изменил: вместо 'великая, высочайшая' - 'что превыше всякой красоты', затем 'Сильнее ближе, страшнее'.)

После такого отзыва, часть которого передаю Вам, я не решаюсь и/з/менять по переводу Ивана Платоновича. (10)

Кланяюсь Вам и Вашим.

Буду всегда писать Вам.

Алексей Рем.

Жутко мне, Аггей Андреевич. Голос горечью о песне перегорел. 4ый месяц не пою и в будущем зги не вижу. Во сне ее вижу. Иду, иду ... где, где?

Кланяется С.П., улыбается Вам своей улыбкой. (11)

Алек. Р.

(1) Письмо Ремизова написано за несколько дней до открытия сезона 'Товарищества Новой Драмы' в херсонском Городском Театре. Оно состоялось 15 сентября 1903 г. Уже в письме к Брюсову от 18 августа намечается недовольство Ремизова условиями его новой 'службы': 'Поступил в театр пьесы подбирать для репертуара. Думает он день в неделю посвящать одиноким: ставить старого Метерлинка, Пшибышевского, устраивать вечера памяти По, Бодлера. Что из этого выйдет - не знаю. Город прежде всего глупый, потом косный./.../ А пьесы подбирать придется в утешение публики...'

(2) Валерий Брюсов. Возможно, речь идет о письме Брюсова от 30 августа 1903 г. - Б I.

(3) *Северные цветы, литературный альманах издательства 'Скорпион'*, М. 1901-1903, 1905, 1911.

(4) *Огорелышевское отродье,* роман Ремизова *Пруд.* Уже в своем следующем письме (III) Ремизов пользуется названием *Пруд.*

(5) *Иуда. Поэма.* Напечатана в сб. *Воздетые руки. Книга поэзии и философии,* М. 1908, стр. 6-21, и в кн. Алексей Ремизов, *Чертов лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы,* 'EOS', СПб. 1908, стр. 295-310, а также в *Соч.*, т.8, стр. 273-283 (под названием *Иуда предатель*).

(6) Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876-1943), жена Ремизова. Они познакомились в 1902 г. в Вологде, куда она приехала из сольвычегодской ссылки. См. *Иверень*, стр. 182; опубл. в газ. *Новое Русское Слово* от 17 августа 1952 г., назв. 'Сумасшедший'.

(7) Стихотворение в прозе Ст. Пшибышевского (*Nad morzem,* 1900).

(8) Пьеса Ст. Пшибышевского *Снег* была поставлена Вс. Мейерхольдом в 'Товариществе Новой Драмы'. Премьера состоялась в Херсоне 19 декабря 1903 г. (В. Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы,* т.2, М. 1968 стр. 595). 7 ноября 1903 г. Мейерхольд обещает Чехову прислать 'новую пьесу Пшибышевского *Снег* (перевод моего друга Ремизова)'. (К. Рудницкий, *Режиссер Мейерхольд,* М. 1969, стр. 37). В 1904 г. Мейерхольд ставит *Снег* в Тифлисе, а год спустя в 'Театре-студии' в Москве. Успеха у публики спектакль не имел, может быть отчасти из-за перевода Ремизова (см. I,4). О первой из названных постановок

Ремизов пишет:'Снегу не повезло. Публику обухом по башке хватило. До жалости.' (А. Ремизов, 'Товарищество Новой Драмы', *Весы,* 1904, 4, стр. 39). Так же реагировала публика в Тифлисе: 'Пьесу ошикали всем театром, раздавались крики 'долой сверхдраму'...' (Пенснэ, *Театр и Искусство,* 1904, 44, цитируется в кн. *Русская литература конца XIX-начала XX в., 1901-1907,* М. 1971, стр. 431).

(9) Стихотворение в прозе Ст. Пшибышевского *Tęsknota.*

(10) Иван Платонович Каляев (см. I,1) переводил Пшибышевского и писал стихи. В *Иверне* Ремизов вспоминает, как при их знакомстве Каляев читал свой перевод именно *Тоски.* См. *Иверень,* стр. 172-173, также в газ. *Новое Русское Слово* от 3 августа 1952 г. - 6 августа 1903 г. Ремизов сообщает Брюсову: 'Посылаю перевод *Тоски* (Tęsknota) исходивший многие редакции и возвращенный со смехом.' В архиве Маделунга хранится экземпляр перевода Ремизова, переписанный им самим, см. приложение 2.

(11) Письмо заканчивается припиской С.П. Ремизовой: 'Здравствуйте, Аггей Андреевич! Одного здесь страшно не достает: музыки совсем нет. Вспоминается Ваш дом горячо, горячо. /Ч/асто в сумерках Ал. Мих. сидит и тихо-тихесенько поет... Часто вместе тоскуем о песне и о людях, которые поют в душе (здесь нет таких). Радуюсь за Вашу Sansar'у. Марье Федоровне глубочайший поклон. Вам всего хорошего; желаю там, далеко, найти то, что Вам /хо/чется.

Серафима Ремизова'.

III

12 окт. 1903, Херсон.
Ганибаловская, Новый д.
Бенович,
Фотография Гескиса

Дорогой Аггей Андреевич!

С.П. очень благодарит Вас, как и я, за Вашу приветливость, что особенно выделяет Вас в нашей душе.

Если не разобьется негатив и дойдет до Москвы, вышлю Вам портрет Пшибышевского в том скорбном виде, который так нам понравился. В Sansar'е следует только повычеркать несколько мест, которые передают человеческую реальность, напр.:

'Постелем на пальмовых листах последнее ложе' (а дальше не надо о 'соитии'). (1)

Присылайте 'Цветок Греха'. (2) Да, Аггей Андреевич, помните у Вас был каталог с норвеж., датск. портретами, очень хотел бы попросить его. В театре ставится 'Строитель Сольнес' (3) а оттуда можно схвать намек для грима.

А если есть что лучшего, так то, лучшее, пришлите. (Может, существует просто Галлерея портретов скандинавск/их/ писателей).

'Пруд' (Отродье) 1 часть (4) отослал в Питер.

За 'Иуду' (5) принимаюсь.

Думаю куда-нибудь удрать из Херсона, где люднее.

До свидания
А. Рем.

Кланяется С.П.

(1) Маделунг не совсем точно последовал совету Ремизова. Соответствующее место в сохранившемся варианте *Сансары* выглядит следующим образом: 'Да будут ложем последним эти пальмовые листы, и вознесутся к небесам слова писания гимном нашего нерушимого обнимающего соединения'. См. приложение 1.
(2) Вероятно, речь идет о произведении Маделунга *Цвет познания,* см. IV,3.
(3) Пьеса Генриха Ибсена *Строитель Сольнес* (1892) не была поставлена Мейерхольдом в Херсоне. См. 'Режиссерские работы В.Э. Мейерхольда' в кн. В.Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы,* т. 2, М. 1968.
(4) Роман Ремизова *Пруд,* см. II, 4.
(5) *Иуда. Поэма.* См. II, 5.

IV

27. янв. 1904, Херсон,
Витовская, д. Бунцельман,
кв. Бурлюк. (1)

Ну, дорогой Агей Андреевич, а я уж думал попали Вы в пасть какого-нибудь царственного зверя или... или... оставили землю... или просто между нами пробежала черная кошка.

И вот собирался навести справки, готовил письмо... а сегодня приносят Ваше - конверт цвета китайской рябины.

Прежде всего глубокую Вам и Марье Федоровне (2) благодарность за то незабвение, которое живет о нас в Ваших комнатах. Когда начинаем припоминать, то, знаете, Аггей Андреевич, одно пустое место, а кто-то убедительно говорит, что были тут люди, да не только были, а есть.

Может, это и хорошо.

'Цветок познания' (3) присылайте, все сделаю, что в моих силах.

По всей вероятности с середки февраля, об этом немедленно напишу, перебираемся до сентября в Одессу, а потом на зиму в Тифлис.

Ваше письмо от 20 I пришло сегодня, 'Ц.п.' (3) лучше присылайте в Одессу, когда получите мой адрес.

Затем, в проекте у меня живет мысль об издании как Ваших, так и своих произведений.

Но об этом после и подробно. Расскажу о себе.

'Иуду' моего приняли в 'С.Ц.', но появится ли он в печати, вопрос. Почему-то надо мое неучастие в 'Грифе', а там в скором времени появятся несколько стихов. (4)

'Пруд' (I и II ч.) (5) - та повесть, отрывки которой Вы знаете - пока никем не

принята. Отказывают. 'В плену' (4ая редакция) (6) - неопределена, лежит в Мир. Искус. (7) 'Демон' (8) не напечатан. Вот, как видите на оригинальные не везет.

Нужно повернуться спиной ко всякой редакции и издавать в незначительном количестве экземпляров, самому.

Да, еще забыл 'Полунощное солнце' (9) как-то совсем, совсем осталось безответным.

На переводах с Сер. Павл. улыбнулось счастье, хотя мимолетное.

'Снег' (10) - издается, пришлю.

'Гости' (11) - печатаются, пришлю.

- Может, (!) напечатают 'Иуду' Яна Каспровича. (12).

Может, через год издаст Скорпион 'Сынов земли' (13) (последняя повесть Пшибышевского, с которой очень хотелось бы Вас познакомить: в Одессе попытаю счастье предложить ее тоненькому журнальчику. (14) Из Одессы на время мог бы выслать Вам, теперь не посылаю, надеюсь, ну как... Но это придется лично разговаривать с редактором).

Может издаст 'Скорп.' 'Поэмы в прозе' С. Пшибышевского. (15)

Аггей Андреевич по получении моего письма, т.е., нет все равно так не выйдет, не поспеет. Стихи эти буду пытаться помещать, но не ручаюсь. А драм переводим уйму: всего Пшибыш., Гофмансталя, Арно Holz'a, Dehmel'a, Verhaeren'a, Сара Пеладана.

Все будут поставлены в театре Мейерхольда на будущий год. (16)

Вот 'Снег' идет у нас, в Одессе, в двух театрах Киева, в Харькове и с провалом в Москве.

Если бы была хоть на ету практичность, пришли бы к нам огромные деньги. Хочу попросить Вас, Агей Андреевич, выбрать на датском языке модернистическую драму, перевести ее начерно на русский, я бы отделал и послал в цензуру, а потом ее бы сыграли.

Нет ли такой драмы у Якобсена?

Если будет у Вас время и терпение, выступили бы вместе в качестве драматических переводчиков.

Из новых книг в изд. Грифа вышла

1) Только любовь - К. Бальмонта - 2 р.
2) Саломея - Оскара Уайльда - 1 р.

(Издание 'Грифа')

1) Мережковский - Собр. соч. - 1 р. 50
2) В. Брюсов - Urbi et orbi - 2
3) З. Гиппиус - Соб. стихов - 1 р. 50
4) Андрей Белый - Северная симфония (1ая) - 75 к
5) Ф. Сологуб - Соб. стихов - 1.50

(Изд. Скорпиона)

В янв. выходит интересный журнал 'Весы' (адрес Москва, книгоизд. 'Скорпион', Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23), с доставкой на год 5 р.

'Мир Искусства' расширил программу - будут печататься стихи. (С. Петербург, Гостинный двор, № 18, Книжн. магаз. Т-а М.О. Вольф, на год 12 руб.).

Выписываю Вам еще Новый путь (С. Петербург, Саперный, 10), в год 7 руб.

В 'Н.П.' начал печататься роман Мережковского: 'Петр I и Царевич Алексей'. (17)

Агей Андреевич, очень советую Вам выписывать журналы.

Пока прислать Вам ничего не могу, ибо с тех пор ровно ничего не появлялось в печати под моим именем.

Кланяюсь всему Вашему дому.

С.П. - кланяется.

Алексей Ремизов

(1) 'Серафима Павловна всегда считалась 'ученицей' Д.Д. Бурлюка. С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и с Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С.П. многолетняя дружба.' (А.М. Ремизов, *Кукха. Розановы письма.* Берлин, 1923, стр. 77).

(2) Мария Федоровна Эгельштейн, жена Оге Маделунга.

(3) *Цвет познания* Оге Маделунга был напечатан в *Северных цветах.* Альманах IV, М. 1905, стр. 130-133. См. XX.

(4) В альманахе *Гриф* (2), вышедшем в Москве в феврале 1904 г., появились 3 стихотворения Ремизова: *Молитва, Последний час, Иван-Купал.* Упоминание Ремизова о поэме *Иуда* и неудобности его участия в *Грифе* объясняется тем, что соперничество между издателями *Северных цветов* и *Грифа* побудило Брюсова в 1904 г. требовать от сотрудников *Северных цветов,* чтобы они не участвовали одновременно в *Грифе.* 'Ваша поэма *будет* напечатана в С.Цв., если только Вы *не* участвуете в альманахе Грифа. Сотрудники двух альманахов этого года *должны* быть различные'. (Недатированное письмо 1904 года от Брюсова к Ремизову, ГПБ, ф. 634, № 36). В конечном счете в четвертом томе *Северных цветов* вместо *Иуды* появились 6 стихотворений под названием *Полунощное солнце.* И *Полунощное солнце* Ремизов до этого предлагал *Грифу* и *Северным цветам* одновременно, но вынужден был предотвратить его появления в *Грифе.* 12 ноября 1904 г. он сообщил Брюсову: 'В 'Гриф' посылаю заказным не печатать 'Полунощное солнце', (если оно принято). Я послал в 'Гриф' потому, что потерял всякую надежду приютиться в 'Скорпионе'. Некуда больше'. (См. также XXII, 2). Замена *Иуды* стихотворениями *Полунощное солнце* в *Северных цветах* произошла врезультате цензурного предупреждения Брюсову касательно *Иуды* (недатированное письмо от Брюсова к Ремизову 1905 года, ГПБ, ф. 634, № 37).

(5) О *Пруде* Ремизов 13 января 1904 г. сообщил Брюсову: 'Посылаю сейчас П.Е. Щеголеву, передаст П.П. Перцову, 'Пруд' - мучился какой-то итог подвести этой будничной жизни, в которой мы, гордые люди, будто знаем что и 'слепые' мним зрячими'.

(6) *В плену* - воспоминания, охватывающие период ссылки и написанные в 1896-1903 гг. В 1902 г. Ремизов послал это произведение М. Горькому, который резко его раскритиковал (см. письмо от Горького к Ремизову, М. Горький, *Собр. соч.* в тридцати томах, т. 28, М. 1954, стр. 249-250). Опубликовано под названием *Белая башня* в альманахе *Проталина,* кн. 1, СПб. 1907, стр. 114-150, а затем в сборнике *Чортов лог и Полунощное солнце,* СПб. 1908, стр. 197-246. В сильно переработанной редакции *В плену* вошло в *Соч.,* т. 2, стр.

149-202.

(7) *Мир искусства,* художественный иллюстрированный журнал, близкий к русскому символизму, выходил 1899-1904.

(8) *Демон (К картине Врубеля)* - неопубликованное стихотворение в прозе Ремизова. Рукописный текст сохранился в архиве П.Е. Щеголева, ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, ед. хр. 69.

(9) Как уже отмечено (см. IV, 4), под этим названием было напечатано 6 стихотворений в *Северных цветах* за 1905 год. Позднее под тем же названием было дано значительно большее количество текстов - в сб. *Чортов лог и Полунощное солнце*, СПб. 1908.

(10) См. I, 5 и II, 8.

(11) Пьеса Ст. Пшибышевского (*Goście,* 1901). По-видимому, она не вышла отдельным изданием в переводе Ремизова.

(12) Поэзия Яна Каспровича (Kasprowicz, 1860-1926) произвела сильное впечатление на Ремизова. 13 января 1904 он написал Брюсову: 'А недавно с Каспровичем познакомился и страшно привязался к нему. Иуду его переведу и пришлю Вам.'

(13) В своем письме к Брюсову от 4 декабря 1903 г. Ремизов предложил свой новый перевод Брюсову. Издательство 'Скорпион' выпустило *Сынов земли* в 1905 г. отдельным изданием, а также во втором томе *Полного собрания сочинений* Ст. Пшибышевского, в переводе Евгения Троповского, а не Ремизова. По поводу прав на издание этого и других произведений Пшибышевского произошло столкновение между издательством 'Скорпион' и издателем В. Саблиным. См. 'Pro domo sua', *Весы,* 1904, 11, стр. 73-74; 'От книгоиздательства *Скорпион', Весы,* 1905, 1, стр. 84-85.

(14) *Южные записки* (см. РО ГПБ, ф. 634, № 36, л. 56).

(15) *Поэмы в прозе* были опубликованы в 'Скорпионе', вряд ли в переводе Ремизова (Ст. Пшибышевский, *Заупокойная месса. В час чуда. Город смерти. Поэмы в прозе.* Пер. М. Семенова, Е. Троповского и др., М. 1906). Рукописный текст *Поэм в прозе* в переводе Ремизовых (1902 г.) хранится в ЦГАЛИ (ф. 420, оп.1, ед. хр. 42).

(16) Из названных Ремизовым авторов в тифлисском сезоне 1904-1905 гг. были представлены Пшибышевский (*Снег*) и Гофмансталь (*Женщина в окне*), обе пьесы в переводе Ремизова. В недатированном письме 1905 года Аркадий Павлович Зонов, режиссер-сотрудник Мейерхольда и близкий друг Ремизова, писал ему: ''Женщ. в окне' ставили в Вашем переводе.' (ГПБ, ф. 634, № 37).

(17) См. XVIII, 1.

V

25 февр. 1904, Одесса,
Раскидайловская, 5, 10

Дорогой Агей Андреевич !

Дошел до Черного моря. Жду от Вас 'Цветка познания'. (1)

Только сегодня водворился: нашел приют себе, а то все в дороге - в двух городах побывали, в Николаеве и Елисаветграде, а потом в гостинице застряли. (2) Много было приключений, ибо и я и С. П. в жизни малый толк знаем.

В 'Весах' в 1 кн. обозначена Ваша фамилия.

Может туда и 'Цветок' послать.

Я напишу только о театре Мейерхольда, (3) а больше пока не знаю еще что.

Без разрешения Вашего послал через 'Труд' Гриф. (4) Получили ли ?

Скоро пришлю 'Снег'.

Всего Вам хорошего.
Кланяюсь М.Ф.
От С.П. поклон.
А. Р.

(1) См. IV, 3.
(2) Судя по письму Ремизова к Брюсову от 18 февраля он выехал из Херсона 19 февраля.
(3) См. VI, 2.
(4) Альманах *Гриф* (2), см. IV, 4.

VI

2 марта 1904, Одесса,
Раскидайловская, № 5, кв. 10

на письмо от 17 февр.
получ. 25

Дорогой Агей Анлреевич !

Прежде всего не корите за промедление. Только вчера и сегодня мог заниматься. Вчера совсем устроились в нашей комнате, хоть не такой мизерной, как в Вологде, но единственной.

И душа, пока не пришли книги и родная обстановка, закрыто скорбела.

'Цветом познания' занялся с восторгом.

Говорю от сердца - душу Вашу высоко ценю. И хорошо то, что в самой конструкции есть высшая проба, а то, извините, наши писатели /с/икают духом.

В круговом вечном возвращении жизни и мира Вы родны Ф. Ничше и Ст. Пшибышевскому.

Посылаю Вам 'Сынов Земли' (1) для прочтения. Как только кончите, Агей Андреевич, пришлите мне.

Вы хотите писать 'Судьбу женщин'.

То, что называется 'декадентством' охватывает и реальные сюжеты лишь бы они открывали новое, связывали это новое с смыслом бытия. В таком смысле писал Достоевский, Л. Толстой, Ибсен.

На мои исправления не сетуйте, как увидите Вас не 'исправлял', а отгадывал.

Если хотите, перепишу Вам в книжечку или на английской роскошной бумаге или сам придумаю - на свитке. (Последнее оригинальнее). Тогда пришлите рукопись обратно - все сделаю с большим наслаждением.

А куда поместить ? - В 'Новый путь' попытать или в Гриф ? (Для альманаха 1905 г) (Лучше не говорить, что переводная).

Я положительно убедился, что кроме 'Сев. Цветов' все редакции позволяют себе такие исправления, которые доводят прямо до слез.

А Ваш недостаток - Вы очень стальны, в Вас нет ребенка, а, может, той беспощадной открытости, которая сжигает корабли.

Ваше произведение не согрето.

Вы слишком стальны, повторяю, и сильны.

Это разнит Вас от Пшибышевского и сближает с По. В Вас нет славянщины, пожалуй, это глубже и общее. Да, окончил Ваше произведение многоточиями; не надо окончательных слов, они для толпы не ясны, а толпе надо кучу, прикрытую надушенной пачулями бумажкой. Мечтаю увидеть Ваши произведения в одной книжке параллельно на рус. и датском языках или в разных книжках, но одновременно.

В 'Скорпионе' вышли

Коневской, Стихи - 2 р.

Северн. Цветы за 3 года вместе - 3 р.

(Изд. Скорпион)

Шелли, II том (изд. Знание)

Лукреций Кар, О природе вещей - 2 р. (Скорпион)

Надо ли мне подробно останавливаться на 'исправлениях' ? Вы верите, что передавал искренно, думаю заменой слов *нисколько не исказил.*

Посылаю в 'Весы' заметку о театре. (3)

Sansar'у ожидаю.

Уведомьте, как нашли мое исправление и довольны ли.

Марье Федоровне кланяюсь.

Кланяется С. П.

А. Ремизов

Жива ли На-на Ивановна ?

Сыны земли переписаны переписчиком, не ручаюсь за грамотность. Дайте Сол. Леонт. (3) на вечер, если ему интересно.

(1) См. IV, 13.
(2) 'Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона', *Весы,* 1904, 4, стр. 36-39.
(3) Соломон Леонтьевич Сегаль - владелец магазина в Вологде, описывается Ремизовым как 'хозяин часового магазина, гармонист и неистощимый острослов'. ('Северные Афины', *Современные записки,* кн. XXX, 1927, стр. 240).

VII

11 марта 1904, Одесса

Дорогой Агей Андреевич !

Пишу Вам экстренно.

Вышла драма Гамсуна: Knut Hamsun 'Dronning Tamara'. Skuespil i tre Akter. København 1903, очень попрошу Вас выписать ее /и/, если не откажетесь, перевести начерно. Я бы поправил. (1)

Но с этим надо торопиться. В драматической цензуре держат подолгу. прошу Вас об этом, мне надо иметь пьесу, которую мог бы поставить для открытия театра в Тифлисе в сентябре. А эта пьеса как раз кавказская.

Уверен, многих соблазнит. (2)

Жду от Вас согласия.

Как читается слово 'beugi' - боги - да ? (3).

Всего Вам хорошего.
Кланяемся Марии Федоровне
я и СП.
А. Ремизов

(1) Возможно, интерес Ремизова к пьесе Гамсуна возник после рецензии на нее Бальмонта в *Весах,* 1904, 2, в которой говорится: 'Последняя драма Гамсуна, *Царица Тамара,* написана им под впечатлением сделанного им путешествия на Кавказ, и замысел ее взят из старых времен Грузии' (стр. 61).

(2) Названная пьеса Кнута Гамсуна не отмечена в числе постановок, осуществленных Мейерхольдом в Тифлисе. См. 'Режиссерские работы В.Э. Мейерхольда' в кн. В.Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы,* т. 2, М. 1968.

(3) Вероятно, вопрос Ремизова относится к слову 'bøigen' из пьесы Генриха Ибсена *Пер Гюнт.*

VIII

Одесса, 28 марта 1904
на 22 -
пол. 28 -

Дорогой Агей Андреевич!

Не хочу Вас задерживать с отсылкой Брюсову, но прошу, как только перепишете, пришлите мне, напишу на свитке; может удастся достать тут желтоватой шершавой бумаги.

Ваши мечты очень прельщают меня, набрасывайте пока скелеты, а после дома разрабатывайте.

Основной образ всегда навевает и вжигает в душу порыв, а душевное равновесие развертывает его.

Мечта - Пути Креста - превосходна, но тут /н/адобно усидчивость, накопление этюдного материала.

Агей Андреевич... впрочем, нет, пусть весь сборник будет пряной музыкой, чащей образов, а хотел сказать, нельзя ли в деталях опускать метафоры и эпитеты. Порой, кажется мне, при драматизме положений, при натиске и напряженности действий, стиль 'одинок' должен быть, как падающие звезды: миг и одна картина, дуновенье - другая.

Люблю еще диссонансы, расцвещающие картину:

...Под музыку нежных речей/ Безобразная падаль валялась...

Пишу Вам это, как раздумье о стиле, о его тайнах-чарах.

Вышли 2 новые книги

'Горные вершины' К. Бальмонта (не знаю, сколько стоит)

'Иридион' Красинского (То. Знание) - 60 к.

Красинский стоит рядом с Словацким и Мицкеви/че/м, своей 'Небожественной Комедией' предворяет Метерлинка, интересно проследить громадное влияние на Пшибышевского. Если он Вас заинтересует могу прислать для прочтения 'Небожест. Комедию'. (Изд. Скорпион. В продаже ее теперь нет.)

'Горн. верш.' любопытны, есть прекрасные испанские песни.

К 'Ц.П.'

Поправляю 'Цветок'

/с/т. 1 ползли ставлю впереди, ярче получается.

ст. 2 отражение ослепительное - некрасиво, исправляю

ст. 3 Зачарованные руки - глаже стиль (1)

Знаки препинания исправлены С.П., которая спорила на этот счет с 'самим' П.Е. (2) Скажите, где он и что. Зий месяц я ровно ничего не слышу о нем.

Ник. Алек. Берд. (3) по 'справкам' живет в Киеве. Так все разошлись. Удивительно нехорошая вещь 'справки'. Не понимаю их.

Едва ли, Агей Андреевич, получу много. Поставил такой расценок: (4)

1) Золотое руно - 50 р.
2) Мать - 50 р.
3) Для счастья - 50 р.
4) Снег - 50 р.
5) Гости - 20 р.
6) Сыны земли - 100
7) В час чуда - 45
8) У моря - 45
9) Стихи в прозе - 45
10) Из земли Куявской - 50 р.

но до сих пор ответа нет, и думаю, что даже с такого грошевого гонорара сбавить несколько процентов.

Предложил ему же перевести другие произведения, не знаю, что будет. Уведомлю.

Очень благодарим за поздравление. Много вспоминали и вспоминаем о вашем доме.

Живем абсолютно одни.

Кланяемся Марии Федоровне и Нане Ивановне; С.П. и Вам.

Неизвестное мне слово пишется так beugi - (это какие-то духи злые, цепкие и притом невидимые)

Алексей Ремизов

(1) Очевидно Маделунг последовал совету Ремизова. Соответствующие три места в напечатанном варианте *Цвета познания* выглядят следующим образом:

Ползли беспокойные тени последних сомнений /.../ (*Северные цветы*, IV, М. 1905, стр. 130).

/.../ весь словно отражение: ряд ослепительных мавританских храмов и мир кровель (Там же, стр. 131).

/.../ ее зачарованные руки словно были оплетены алыми водорослями. (Там же, стр. 131).

(2) Павел Елисеевич Щеголев (1877-1931), историк, пушкинист. Был выслан в Вологду в 1899 г. Там Ремизов с ним познакомился в 1902 г. Благодаря Щеголеву Ремизову было продлено разрешение оставаться в Вологде сверх положенного месяца, где он и находился под 'товарищеским присмотром' Щеголева и Савинкова. Об этом Ремизов вспоминает в главках *Иверня* с назв. 'Еркулы' и 'Сумасшедший', опубликованных в *Новом Русском Слове* от 10 и 17 августа 1952 г.

Выражение 'с самим П.Е.' передает, вероятно, шутливо почтительную форму обращения, которой пользовались по отношению к Щеголеву его вологодские друзья. 'На Желвунцовской - *сам* Павел Елисеевич Щеголев...'; 'а тут - где сижу я - сиживал сам Павел Елисеевич!' (*Современные Записки,* кн. XXX, Париж 1927, стр. 235, 244).

(3) Николай Александрович Бердяев (1874-1948), философ. С Ремизовым познакомился в Вологде, куда был выслан в 1900 г. Одна глава в 'Северных Афинах' (*Современные Записки,* кн. XXX, Париж 1927) посвящена Бердяеву. В Королевской библиотеке в Копенгагене хранится открытка от Бердяева к Маделунгу, датированная 2 февраля 1907 г.

(4) В расценку включены следующие переводы произведении Пшибышевского: *Złote runo, Matka, Dla szczęścia, Śnieg, Goście, Synowie ziemi, W godzinie cudu, Nad morzem, Poezje prozą, Z gleby kujawskiej.*

IX

1904, 2 апреля,
Одесса,
Раскидайловская №5, кв. 10

Дорогой Агей Андреевич!

Ну, нашел книгу, куда можно помещать Ваши произведения.

С октября в Спб. будет издаваться новый журнал, во главе которого будет стоять Н.А. Бердяев, кн. Трубецкой (1) с одной стороны и Бальмонт, Брюсов с другой. Журнал назовется 'Вопросы Жизни'. (2)

Для большой публики все это пока секрет.

За оригинальную беллетристику - 40.000 букв - 100 руб.

За переводы - 20 руб.

- научн. статьи - 70 руб.

Редактором отдела поэзии будет Саблин. (3)

Материал надо заранее представить. Думаю Вы разрешите послать Sansar'у и Цветок познания.

П.Е написал 3 больших книги, которые появятся в свет. Будет тоже участвовать в журнале.

Писал и П.Е. и Н.А. о Вашем 'Цветке'.

Переводы Пшибышевского не все пригодились. (4)

'Сыны земли' пошли - 80 р.

'Для счастья' - 31 р 50 к.

'Мать' еще не установлено руб. 40.

Остальные остались у меня.

Поклоны Марье Федоровне.

Кланяется С.П.

А. Ремизов

(1) Князь Е.Н. Трубецкой (1863-1919).

(2) *Вопросы жизни*, литературный журнал, выходивший в Петербурге в 1905 г. Являлся продолжением журнала *Новый путь* (1903-1904).

(3) В.М. Саблин (1872-1916), издатель и переводчик.

(4) См. VIII, 4.

X

/20. IV. 1904/

А Ваше имя, дорогой Агей Андреевич, широко популяризируется 'Весами': (1) во всех последних изданиях -

В. Иванов: Прозрачность

Ст. Пшибышевский: Homo sapiens 2 изд.

К. Бальмонт: Стихи II т.

А. Белый: Золото в лазури.

Читал Вашу заметку о романе Krag'a, (2) узнал с С.П. сразу Ваш стиль, не глядя на подпись.

Я послал две: 1) О 'Театре Новой Драмы' (3)

2) 'О гастролях Коммиссаржевской' (4)

до сих пор не печатают.

Вам и Марье Федоровне поклон от С.П., а еще кланяется народившаяся 18 апрел. Наталья. (5)

А. Ремизов

Посылаю Горького 'Человек'. Это - образец шаблона и избитых образов. (6)

Дайте почитать С.Л. (7)

Кланяюсь ему, а Кате Наташа кланяется.

АР

Дата проставлена рукой Маделунга.

(1) На письмо наклеено объявление со списком сотрудников *Весов*, в числе которых значится Оге Маделунг.

(2) Рецензия Оге Маделунга на Thomas P. Krag, *Sorte Skove,* Kjøbenhavn 1903, напечатана в *Весах,* 1904, 3, стр. 59-60.

(3) См. VI, 2.

(4) Статья в *Весах* напечатана не была.

(5) Наталья Алексеевна Ремизова (1904-1943), дочь Ремизова. См. Борис Борисович Бунич-Ремизов, *Из воспоминаний о семье С.П. Ремизовой-Довкгело,* ИРЛИ, Архив А.М. Ремизова.

(6) Так же критически в тот момент относился Горький к творчеству Ремизова, судя по его отказу печатать *В плену* (см. IV, 6). В 1905 г. Ремизов предлагает в *Знание* свой роман *Пруд,* который Горький тоже забраковывает (см. письмо Горького к Ремизову, М. Горький, *Собр. соч.* в тридцати томах, т. 28, М. 1954, стр. 377). Много лет спустя Ремизов выразил свою признательность Горькому. В статье 'Три письма Горького', (*Грани* 25, 1955) которую он написал в 1950 г. (*Кодр.,* стр. 227) Ремизов говорит о том, как Горький помог ему в 1922 г. разыскать потерянную рукопись, а также о том, как Горький, может быть невольно, способствовал его литературному дебюту в 1902 г. Более полную картину любопытной истории своего дебюта Ремизов дает в *Иверне* в главе 'Курьер', напечатанной в *Новом Русском Слове,* 24 августа 1952 г.

(7) Соломон Леонтьевич Сегаль, см. VI, 3.

XI

8 мая 1904
Одесса, Раскидайловская 5, 10
на 1 мая

Дорогой Агей Андреевич!

Очень благодарим Вас и дом Ваш за поздравление. Да, да, я верю в это, Агей Андреевич...

Дожидаюсь Sansar'ы.

С мнением о профессионалах-зубоскалах согласен.

Почему сначала в России печатать хотите, а не за морем?

О новом журнале сообщить обстоятельно не могу, ибо не имею никакого материала. Постараюсь за лето увидаться с Н.А. Бердяевым и напишу подробно.

А.А. не взялись бы Вы в *будущем* (x) перевести мой 'Пруд' на немецк. яз. или на датск. (1) Я глубоко убежден, что в России он не скоро появится, ибо не находит себе места. (2) Издавать самому - сейчас не имею возможности, а когда придет эта возможность - пройдет много времени.

(x) Переводить Вам стоит, конечно, при имени, которое Вы возьмете - верю - очень скоро.

Поклоны.
А. Ремизов

Читали ли последний рассказ Л. Андреева: 'Жизнь Василия Фивейского'. Если не читали, уведомьте, вышлю эту книгу.

(1) Как это уже было сказано в предисловии, Маделунг не переводил Ремизова. См. также XIX, 4.
(2) См. XVII, 4.

XII

2 июня 1904

Поздравляю Вас с рождением!
Дорогой Агей Андреевич!

Бесконечно благодарен Вам за отклик.

Беспокоит меня одно: хоть я и оставил заявление на почте о своем адресе: Борзна (Черниговской губ.) село Берестовец, Сергею Павловичу Довгелло (1) для меня - но до сих пор ничего не получается.

Выехать из Одессы пришлось экстренно и очень досадую, что не мог вовремя предупредить Вас.

В 'Весах' много разговаривал о Вас. Брюсов очень высокого мнения о Вас.

'Цвет познания' можно было бы поместить в С. Цветах.

Задерживают меня тут разного рода дела и пот/о/му все приходится откладывать лично приветствовать Вас и Ваш дом.

А. Ремизов

Москва
Ильинка
Биржа
Сергею Михайловичу Ремизову (2)

(1) Сергей Павлович Довкгело (1874-1919), брат жены Ремизова, владелец усадьбы семьи Довкгело в Берестовце. См. Б.Б. Бунич-Ремизов, *Из воспоминаний о семье С.П. Ремизовой-Довкгело,* ИРЛИ, архив А.М. Ремизова.
(2) Сергей Михайлович Ремизов - брат А.М. Ремизова. См. *Кодр.,* стр. 75-76. Очевидно, в письме идет речь о нелегальном посещении Ремизовым Брюсова, о котором говорится в воспоминаниях, см. предисловие. Из письма к Брюсову от 18 июня 1904 г. следует, что Ремизов также решился побывать в Петербурге.

XIII

1904, 4 июля
Киев

Дорогой Агей Андреевич!

Прошу простить меня за ослушание - посылаю Sansar'у не закрытой, а бандеролью.

Бумаги достать такой не пришлось, как писал, сразу принялся за переписывание (1).

Высылайте поскорее немецкий экземпляр Ma-me D'Ora J.W. Jensen'a. Сейчас бы, немедля, приступил к переводу. (2)

Всего Вам хорошего.

Поклоны от меня и С. Пав.

А.Р.

(1) См. I, 4 и VIII.
(2) Подробнее о стараниях О. Маделунга устроить русское издание романа Иоханнеса В. Енсена, см. М VII-IX, М XII и Б V.

XIV

8 июля /1904, Киев/

Madame d'Ora!
Madame d'Ora!
Madame d'Ora!
Скорее! Скорее! Скорее!
С нетерпением жду.

АР

Год и место по почтовому штемпелю.

XV

8 августа 1904
с. Берестовец

Дорогой Агей Андреевич!

Дня через 4е отправляемся в Киев. По приезде напишу.

Тут столетние гиганты груши, яблони, вишни, тут вековая беседка - страшная беседка.

В доме шерохи.

По ночам из портретов выходят люди и бродят.

Чего они ищут?

Чего они хотят?

Душат кошмарами.

Сижу обычно за полночь. (1)

Так все настроило: сижу за столом. Приготовил к печати и переписал целый том (343 ст., ст. 200 печатных) стихов и поэзию в прозе (за 1900-1903). Расположил материал систематически.

1) В плену (поэма в 3 част.)
2) Полунощное солнце (цикл стихов)
3) Над колыбелькой (- -)
4) Прелюдии (- -)
5) Вереницы дней (- -)
6) Далекое (- -)
7) После зноя желаний (- -)
8) Иуда (поэма)
9) Под покровом ночи
10) В старом доме.

Все думаю назвать 'В плену'. (2)

Эпиграф: 'Колыбель ты моя, гроб ты мой'. (3) Кроме того перевел стихами - vers libre - Каспровича: (поэмы)

1) Моя вечерняя песня
2) Святый Боже, святый крепкий
3) Dies irae
4) Саломея
5) Гимн св. Франциска Асизского
6) Salve Regina

и драмат. поэму - На взгорье Смерти. (4)

Начну теперь новую полосу: шевельнулось много разных тем и вопросов, не пишу, потому что еще не оформились.

Письмо это пойдет числа 10. Напишу из Киева.

Поклон. - - - А. Ремизов
Кланяется С.П.

(1) По-видимому, это тяжелое впечатление подтверждает свидетельство Б.Б. Бунича-Ремизова о том, что Ремизов с самого начала чувствовал к себе антипатию со стороны родственников жены. В качестве причин такого отношения внук Ремизова называет его купеческое происхождение, странности в отношениях между молодыми супругами, его писания, которых родные жены не понимали - да и само его поведение во время редких посещений Берестовца вызывало сомнение родных в его психическом здоровье. Б.Б. Бунич-Ремизов, *Из воспоминаний о семье С.П. Ремизовой-Довкгело,* стр. 14-16, ИРЛИ, архив А.М.Ремизова.

(2) Уже 8 июля 1904 г. Ремизов обратился к Брюсову по поводу этого тома: 'Очень мне неловко Вас беспокоить, но попрошу: пришлите мне 'В плену'. Перепишу Вам в одну тетрадь все, что хотел бы напечатать у Вас, если заслужит одобрение'. 24 августа он сообщает: 'Посылаю книгу без имени. Не назвать ли ее 'В плену' по первой поэме?' - Книга не была издана. Некоторые из названных произведений, однако, печатались в разных местах. О первой публикации

Полунощного солнца, см. IV,4. *В плену, Полунощное солнце* и *Иуда* позднее вошли в сб. *Чортов лог и Полунощное солнце,* СПб. 1908. *Над колыбелькой* опубликовано в газете *Северный край* от 6 мая 1903 г., в журнале *Вопросы жизни,* 1905, 7, стр. 50-51, и в некоторых более поздних изданиях. Произведение № 6 под названием *Под кровом ночи. Сны* появилось в журнале *Золотое руно,* 1908, 5, стр. 30-37. Рукописные тексты остальных произведений предполагаемого сборника в большинстве хранятся в архиве В. Брюсова в ГБЛ.

(3) Этот эпиграф взят Ремизовым из его перевода *Тоски* Пшибышевского, см. приложение 2.

(4) Очевидно Ремизов не нашел издателя для этих переводов. См. IV, 12.

XVI

Киев, Беззаковская, № 20, кв. 17
13 сент. 1904
На 9 сен.

Дорогой Аггей Андреевич!

Хотел сделать шаг к высшей оценке своего /тр/уда и нарвался. А нарвался так, что целыми днями крутил головой, ног/а/ми топ/ал/ и... и пока ничего не придумал.

Сны упоительной боли на миг погасли; задавило их сознание, что тебя выбросили на улицу и предоставили зубами щелкать.

Сейчас не вижу снов.

Думаю и думаю, как выбраться на /д/орогу хоть на некоторое время.

С.П. поступила в гимназию учительницей за 30 р. в месяц. И пока выручает. Мечтал одно время поступить учителем чистописания за 10 р. в мес., но дело не выгорело. Вот Вам настоящие заботы. Даже неловко писать, слишком уж прозаично.

С Мейерхольдом связей не разорвал. (1) Отработка аванса (взятого весной) и получение вновь нескольких рублей в месяц всецело зависят от мо/ей/ переводильной способности. Я должен переводить драмы к сроку. За это получаю сверх авторских прибавку от Мейерхольда в 1 - 2 руб. за акт.

Я начал этюды к повести 'Часы'. Но за минутами - часами - днями - ночами забот пишется только вспышками. (2)

Потом задумал о 'театре'.

А блеснула еще мысль:

Христа отвели в темницу и оставили одного. Одна минута, потом бичевания ... Вот эта одна минута перед пыткой и приговором. Свои переводы я послал в 'Н.П.' и 'Ж.д.В.', в 'Правду', но ответы неблагоприятные. (3)

Так что, можно сказать, я нигде /н/е печатаюсь.

Если бы Вы заграницу поехали Москвой и зашли в 'Весы' (Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23) спросили бы у Брюсова о 'Sansar'е' и 'Цвете познания'.

Виделся с Бердяевым (кланяется Вам) говорит, что очень скоро решится, будут ли они издавать новый журнал 'Вопросы жизни' или возьмут 'Н.П.' (4) Обещает помещать мои произведения, равно, как и Ваши. Но ни моих, ни Ваших он не знает. Так вот, попрошу Вас взять у Брюсова 'Sansar'у' и 'Цвет познания' и при-

слать мне. Я сниму копии и оставлю их у себя, а оригинальные отошлю Брюсову. Если Вам неудобно будет послать самому, зайдите на Биржу (Ильинка) и поручите это сделать брату (Сергею); (5) он мне пришлет Ваши произведения.

Между прочим, спросите у Брюсо/ва/, получил ли он книгу, где я собрал свои стихи (1900-1904) (6) и возможно ли их издать осенью или зимой 1904 г.

Адрес Сергея на случай Вашей остановки в Москве или при возвращении:

Зубовский бульвар, Теплый переулок
д. Фидлера и Гиппиуса, кв. № 61 (или № 65)

Очень будут рады. Варвара Федоровна пропоет Вам Грига и цыганск. романсы, а Сергей по Вашему выбору.

О судьбе журнала буду, не замедляя извещать Вас заграницу. (7)

Поклон М.Ф. Кланяет/ся/ С.П.

А. Ремизов

(1) Между сезонами 1903-1904 гг. в Херсоне и 1904-1905 гг. в Тифлисе труппа Мейерхольда была на гастролях. 24 августа Ремизов пишет Брюсову: 'Остаюсь в Киеве. С театром (в Тифлисе) не разрываю связей'.

(2) Посвящение, которое Ремизов много лет спустя написал на экземпляре *Часов,* принадлежавшем Серафиме Павловне, свидетельствует о том, что он продолжал вспоминать, в каких тяжелых условиях создавалось это произведение. Ремизов пишет: 'О происхождении Часов: это самое больное, о чем со стыдом вспоминаю: это в Киеве - когда ты кормила Наташу и на уроки ходила, а я писал. Была еще большая тетрадка - там вроде стихов - тогда же - обрабатывалась.

Помню комнату, почему-то темно всегда, однооконная, узкая, и тут же кровать, складная, походная, и дверь, где ты с Наташей'. (*Кодр.,* стр. 163). О *Часах*, см. также XXVII, 5.

(3) *Новый путь,* см. IX, 2. *Журнал для всех,* литературный и научно-популярный журнал, выходил в СПб. в 1896-1906 гг. *Правда,* литературно-художественный и общественный журнал, издавался в Москве в 1904-1906 гг. - Из переводов Ремизовых в этих журналах появились только *Продавец солнца* Рашильд и переведенный Серафимой Павловной *Дедушка* Василия Стефаника (*Новый путь,* 1904, 6 и 9).

(4) С октября 1904 г. *Новый путь* стал выходить при участии в редакции Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова (см. *Русская литература конца XIX - начала XX в., 1901-1907,* М. 1971, стр. 429). - 3 октября Ремизов пишет Брюсову: 'Всякие попытки моего вторжения в Н.П. остались безрезультатными. В новой редакции одна надежда на Бердяева.'

(5) См. XII, 2.

(6) См. XV, 2.

(7) Оге Маделунг в это время уезжал в Данию и по дороге собирался заехать к Брюсову в Моску.

XVII

/15. 2. 05/ (1)

Дорогой Аггей Андреевич, я получил Ваши два письма от 1 февр. и 2 февраля. Простите за безответность.

Мы устроились в Петербурге; адрес: С Петербург, Саперный, 10, 'Вопросы жизни', Алексею Михайловичу Ремизову. (2)

Наш дом при редакции 2 комнаты с освещением и отоплением. Я веду бухгалтерию, (3) получаю в месяц 35 руб. С.П. поручили корректуру по 1 руб. за лист, в общем руб/лей/ 40 набежит в месяц. С апрел. книжки предполагают печатать 'Пруд' руб. за 70 лист. (4) Больше мне не дадут. А что касается стихов, то в этом журнале их не примут.

В портфеле лежит Ваша 'Sansara'. Печатание ее зависит от совета редакторов, на котором я не присутствую, а результат узнаю. (5) Сейчас она у Н.А. Бердяева. /Н/о Вы, наверное, плюете на этот совет. Я очень Вам благодарен за Ваши письма.

О снимках к 'Мещанам' справлюсь у П.Е. Я очень поздно кончаю свои обязанности, выхожу только по воскресеньям.

Напишу подробнее и толковее, еще не совсем устроились.

Кланяемся Марии Федоровне.

А. Ремизов

Дата проставлена рукой Маделунга.

(1) Это письмо, так же как письма XXI, XXIII, XXIV, написано на бланке журнала *Вопросы жизни.*

(2) 29 ноября 1904 г. Ремизов сообщил Брюсову: 'С меня сняли всякий надзор и разрешили Петербург и Москву (но Москву скорее на бумаге, так как ввиду особых правил М. Ген. Губерн. едва ли допустили бы жить постоянно; наезды, конечно). Мечтаю переселиться в Петербург и примкнуться куда-нибудь. По сему ходатайствую перед 'Н.П.' о приятии меня в контору. Искать большего положения у меня нет данных, а в конторе сойдет, главное - работа механическая. Бердяев писал, что могли бы дать 50 р., а этим на половину обеспечивается моя жизнь. Да жена урок достанет. Вот и пойдет. А то так надоели эти постоянные думы, что вот завтра дров не будет, и обеда не будет и этот проклятый дворник придет за деньгами. А потом эти унижения, когда просишь... И все это загоняет, загоняет, загоняет'.

(3) В. Пяст вспоминает, как летом 1905 г. он получал свой первый гонорар от Ремизова, который тогда был секретарем редакции *Вопросов жизни.* См. В. Пяст, *Встречи,* М. 1929, стр. 45-46.

(4) Роман Ремизова *Пруд* печатался в *Вопросах жизни,* 1905, 4-11.

(5) Н. Берберова в своей книге *Курсив мой,* Мюнхен 1972, стр. 307, воспроизводит следующий эпизод из секретарской деятельности Ремизова: 'Ходасевич рассказывал со слов Чулкова, что, когда А.М. работал секретарем в журнале 'Вопросы жизни', он как секретарь не присутствовал на заседаниях редколлегии, но пока шло заседание, собирал в соседней комнате калоши заседающих, ставил их в кружок, сам садился в середину и играл с калошами в заседание.'

XVIII

Марта 18, 1905 г.

Сим извещаю Вас, дорогой Аггей Андреевич, что контора 'В.Ж.' согласна выслать Вам журнал со скидкой 30%, как датскому писателю.

Следовательно, Вам надо послать сюда 7 р. 70 к. Оттиски статей, (Волжского, Булгакова) начатых в 1904 г. будут Вам посланы в апреле. Роман Мережковского тоже. (1) Последнее выяснится в скором времени.

Порекомендуйте С.Л. (2) выписать журнал. Ему тоже можно будет сделать скидку в 30 %, как знакомому.

Я буду присылать Вам оттиски моих переводов, если Вы пожелаете.

Письмо Л. Андреева у меня сохраняется. (3) Напишите, удовлетворит ли Вас копия, или прислать оригинал.

Перевод Вашей драмы (4) буду ждать и со старанием его проредактирую.

Sansara у Н.А. Бердяева. Я вышлю ее Вам в конверте на днях. Сделал бы это сейчас, да Н.А. болен и ходить к нему не решаюсь.

/На/ днях пришлю Вам стихи Брюсов/а/, восхитившие меня до глубины.

Между прочим, Брюсов говорил мне, что у них было в проэкте напечатать 'Цвет познания'.

2 апреля исполняется Столетие со дня рождения Андерсена. Если бы Вы написали о нем в 'Весах'.

Поклоны.

А. Ремизов

(1) Подразумеваются следующие сочинения: Волжский (Глинка, А.С.), 'Мистический пантеизм В.В. Розанова' (*Новый путь,* 1904, 12 и *Вопросы жизни,* 1905, 1-3), С. Булгаков, 'Карлейль и Толстой' (*Вопросы жизни,* 1905, 1) и Д.С. Мережковский, *Петр и Алексей* (*Новый путь,* 1904, 1-5, 9-12).

(2) Соломон Леонтьевич Сегаль (см. VI, 3).

(3) В архиве Маделунга в Королевской библиотеке хранится выписка из письма от Леонида Андреева, датированного февралем 1903 г. В нем Андреев в общих чертах излагает свою биографию. Выписка сделана Ремизовым. Оригинал письма Л. Андреева, обращенного к Ремизову, хранится в РО ГПБ, ф. 634, № 36, л. 35.

(4) Речь идет о пьесе Маделунга *Род Ультра.* См. XXI и XXVII, 8.

XIX

12. IV. 1905

Поздравляю Вас, дорогой Аггей Андреевич, с Пасхой. Помните, как Вы пришли ко мне и у Вас 'Тоску' читали:

Вокруг Твоей головы венок из увядших цветов ... (1) Мы недавно с С.П. восстановляли и все эти /м/инуты вспоминали.

А теперь к будням: посылаю название того альбома, где собраны снимки Художественного театра. (2)

С апрел. книжки начнет печататься 'Пруд'. Если Вам он взгля/не/тся, может, переводить его начнете на датский и пристроете где нибудь в своих газетах или журналах. На счет французского перевода буду ходатайствовать перед Malfitano. (3) С немецким - не знаю к кому обратиться. (4) Все это, конечно, при том условии, если роман взглянется.

Вы простите меня за промедление с Sansar'ой. Жена Н.А. Берд. была больна и мне неудобно было ходить к нему. Теперь она выздоровела, а он уехал на пасху в Киев.

Оттиски переводов я вышлю Вам как только их у меня накопится побольше.

Жду Вашу драму.

Кланяемся Марии Федоровне.

А. Ремизов

(1) См. II, 9 и 10, а также приложение 2.
(2) На письмо наклеена вырезка из газеты с рецензией на книгу *Московский 'художественный театр'*. I-я серия. ('На дне' М. Горького, 'Власть тьмы' Л. Толстого, 'Одинокие' Гауптмана и 'Юлий Цезарь' Шекспира). Изд. Ю.И. Лепковского.
(3) Malfitano - итальянский химик и поклонник русской литературы, см. А.П. Остроумова-Лебедева, *Автобиографические записки*, т. 1, М. 1974, стр. 358.
(4) По-видимому, *Пруд* ни на один из основных западноевропейских языков не переводился. В 1923 г. вышел чешский перевод (A.M. Remizov, *Rybník*, román. Praha, Družstvo Přátel Studia v Praze, 1923).

XX

1905, 25. апр.

Дорогой Аггей Андреевич!

Сегодня достал у Вя. Иванова 'С.Ц.' 1905. Там напечатан Ваш 'Цвет познания', с чем Вас и поздравляю.

Мне еще не прислали 'С.Ц.', их будут рассылать, кажется, через неделю, и Вы получите.

Был вчера у нас Вл. Ан. Жданов. Вспоминали. Пили Ginger. (1)

Кланяюсь Марии Федоровне.

А. Ремизов

В Весах проектируется беллетристика. (2) Извещу, когда все разузнаю.

(1) Владимир Анатольевич Жданов, адвокат в Вологде ('А наискосок от 'Колонии' б. ссыльный прис. пов. Владимир Анатольевич Жданов', *Современные*

Записки, кн. XXX, Париж 1927, стр. 236). В доме Жданова обычно происходили прощальные вечера в честь тех, кто покидал Вологду после истечения срока ссылки. Вечера носили характер поминок. (Там же, стр. 241-242). Кажется, что джинджер для Ремизова был прочно связан с воспоминаниями о Вологде: 'Я прошел в № 1. Заказал в память покойного джинджиру. И сел один. Было очень тихо, никаких комаров, точно на том свете. И в памяти моей тихо прошли - день за днем - дни из этой жизни, невозвратимые'. (Там же, стр. 244).

(2) *Весы* начались как журнал литературной критики. 'Стихи, рассказы, все создания творческой литературы сознательно исключены из программы 'Весов'' (*Весы,* 1904, 1). В *Весах,* 1905, 11, редакция однако сообщает, что в 1906 г. в журнале будет и беллетристический отдел. Уже в следующем номере (1905, 12) есть художественная литература.

XXI

31 мая 1905
на 21 мая 1905

Дорогой Аггей Андреевич!

Я очень виноват перед Вами, что до сих пор не умудрился написать Вам. У нас в отпуску заведующая конторой, пригласили новую, а мне приходится надзор иметь, и буквально целый день за работой.

Драму получил. В тот же день был у меня П.Е. и взял ее себе. (1) Потом интересуется Н.А.Б. Переводчика поищу, хотя сейчас те, кого знаю, разъехались.

Корректуру из 'Скорпиона' не прислали мне потому, что спешка большая шла. А я знаю, сколько недоразумений случается с пересылками. Заплатили мне за стихотворения 30 руб.

П.В. Сигорскому (2) 'Март' послал.

Переносить лишние 3 р. думаю, неудобно, ввиду того, что 11 рб.ая цена была по назначению цензуры, (3) и это вызвало большие неудобства. Теперь же всем присылающим 11 р. 3 р. возвращаются. Таково распоряжение /с/овета редакторов.

Рассказы тут печатаются. Присылайте. Помещение их зависит от управляющего редакцией, редактора отдела поэзии Г.И. Чулкова.

Sansar'у послал.

Мнение свое о драме напишу.

По всей вероятности в скором времени у вас будет, проездом, С.П. Она едет в гости на неделю. Дальше.

Кланяемся.

Кольца так и не получил.

А. Ремизов

(1) *Род Ультра,* см. XXVII, 8.

(2) Николай Васильевич Сигорский, адвокат в Вологде, упоминается в 'Северных Афинах', *Современные Записки,* кн. XXX, стр. 235. В Королевской библиотеке хранится письмо от Сигорского к Маделунгу, датированное 25 мая 1909 г.

(3) Требования цензуры о завышенных ценах были обычными в тех случаях, когда власти не желали прямо запретить публикацию, но все же хотели ограничить ее распространение. Об этом см. В. Агафонов, 'Русская цензура и рубль', *В защиту слова.* Сборник 1, СПб. 1905.

XXII

1905, июля 22
СПБ.

Дорогой Аггей Андреевич!

Письмо П.Е. передам. Он на днях заходил ко мне. И просил написать Вам, что просит дать ему сроку до 25 июля, тогда он принесет и мне почитать.

Коснулся в прош. письме своего долга. За 'Пруд' получаю 80 р. с листа, (1) по покрытии аванса все же останется несколько рублей, некоторым знакомым выплатил, и вот приступил к Вам. Меня трогает Ваше отношение ко мне.

Издать 'Пруд' придется без гонорара. И то с большими затруднениями. Думаю, это сделать в ноябре - декабре. (2)

Сегодня Каня (Сегаль) принес кольца, увидите А.Я. и С.Л. поблагодарите.

С.П. кланяется.

Кланяемся дому Вашему и Марии Федоровне в отдельности.

А. Ремизов

(1) См. XVII, 4.

(2) 16-го июля Ремизов написал Брюсову: 'Глубоко уважаемый Валерий Яковлевич! обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сказать мне, согласится ли 'Скорпион' издать мой роман 'Пруд'.

'Пруд' кончится в октябрьской книжке (10-ой).

Всего будет 15-16 листов.

Мне хотелось бы издать его в ноябре-декабре 1905. Гонорара мне не надо. А если что будет после, какая выручка, от нее не отказался бы.

Так вот, скажите мне, согласится ли 'Скорпион'? Если нет, попытаю счастье у 'Грифа''. - Об ответе Брюсова можно догадаться по письму Ремизова к нему от 27 августа: 'Хочу предложить 'Пруд' издать 'Грифу'. Одно смущает: не получить бы отказа. Тогда с 'Полунощным солнцем' нехорошо вышло: попросил вернуть рукопись. Может быть, он обиделся. Уж очень я неверным оказался.' См. IV, 4. - Историю печатания своего романа и его четырех редакций рассказывает Ремизов в *Воле России,* 1926, 8-9, стр. 230-232.

Дорогой Аггей Андреевичъ! А почему Вы мнѣ Вашего адреса на открыткѣ не приложили? — понятно, пришлось начать съ „Здравствуйте!"

Помогай Вамъ Богъ въ Вашихъ писаніяхъ. Я вѣрю въ Вашу особенность и непохожесть. Много о Васъ какъ-то говорили въ ночной часъ да водкой, вспоминая Вологду и объясняя недоразумѣнія. Думалъ, что будете у насъ, протянете ноги на диванѣ. По всей вѣроятности лѣтомъ въ Іюнѣ (начало) мимо Васъ проѣду я. Остановлюсь въ Вологдѣ на день-два. Вы мнѣ сообщите Вашъ Вологодскій адресъ съ улицей и домомъ.

Если у Васъ будутъ №№ журналовъ, гдѣ напечатаны Ваши вещи, пришлите ихъ мнѣ.

Рукопись охотно переведу.

За снимки съ картинъ мужа Вашей сестры напередъ мою благодарность.

Съ Прудомъ у меня дѣла плохо. Издавать никто не желаетъ. Рано или поздно придется за это дѣло взяться самому.

Письмо А.М. Ремизова к О. Маделунгу (XXIII, см. стр. 39).

XXIII

/10. IV. 1906/

Дорогой Аггей Андреевич!

А почему Вы мне Вашего адреса на открытке не приложили? - понятно, пришлось начать с 'Здравствуйте!' Помогай Вам Бог в Ваших писаниях. Я верю в Вашу особенность и непохожесть. Много о Вас как-то говорили в ночной час за водкой, вспоминая Вологду и объясняя недоразумения. Думаю, что будете у нас, протянете ноги на диване. По всей вероятности летом в июне (начало) мимо Вас проеду я. Остановлюсь в Вологде на день - два. Вы мне сообщите Ваш Вологодский адрес с улицей и домом.

Если у Вас будут лишние № журналов, где напечатаны Ваши вещи, пришлите их мне.

Рукопись охотно переведу.

За снимки с картин мужа Вашей сестры наперед шлю благодарность.

С Прудом у меня дела плохо. Издавать никто не желает. Рано или поздно придется за это дело взяться самому. Дело за деньгами, которых надо до 500 р. - сумма не маленькая.

Печатают мои вещи так редко, будто и не печатают, и все из старых.

Пишу теперь сказки. Так как нигде не служу, то сижу сиднем за столом. Процесс писания для меня мучителен. Каждая фраза стоит страшно много времени. Переписываю без конца.

Вот как. В июне месяце проеду в Вятскую губ. (село Караул), (1) а с июля собакой буду шнырять по Петербургу в поисках за работой.

С.П. кланяется.

М.Ф. посылаю поклон.

А. Ремизов

10. апр. 1906
5 Рождественская, д. 38, кв. 2

(1) Караул - имение семьи Зоновых (см. IV, 16). Поездка не состоялась.

XXIV

/22. IV. 1906/

Дорогой Аггей Андреевич!

Сейчас при всем моем желании попасть к Вам, я не могу. Упустить такой момент, как открытие Думы и первые ее шаги было бы с моей стороны неосмотрительно. (1) Не раньше как с середины мая могу попасть в Вологду, что сделаю с большой охотой. Каталогами займусь и вышлю.

Страшно любопытно, что Вы затеваете.

С.П. кланяется.

А. Ремизов

22. апр. 1906

(1) Первая Дума открылась 10 мая 1906 г.

XXV

20. мая 1906
5 Рождественская 38, кв. 2

Дорогой Аггей Андреевич!

Прежде всего извиняюсь за промедления. Пока результат нетвердый: все, как шалелые, не добьешься толку, но думаю, удастся что-нибудь делать: приехал один литератор, у которого есть связи с 'Русью'. (1) Его-то я и возьму за бока.

Вот на счет русского лихача с пролеткой, не видал такой фотографии.

Аггей Андреевич, к моему огорчению, кажется, моя поездка к Вам не состоится. Такое безденежье, вынужден схватиться за первую попавшуюся работу. Не знаю, в чем будет мое дело, но вот несколько дней хожу с предложениями.

Не сердитесь на меня.

А. Ремизов. С.П.

С.П. кланяется.

(1) Возможно речь идет о газете *Русь,* которая выходила в СПб. в 1903-1905 и 1906-1908 гг.

XXVI

С.П.Б. Кавалергардская 8, кв. 28
1 декабря 1906 г.

Дорогой Аггей Андреевич!

Ну, слава Богу, наконец то Вы нашлись. Открытки Вашей до этой не получал. Искал Вас в разных местах. Без результата. О Вас справлялся Гайдебуров. (1) Теперь через Дымова (2) я передам ему Ваш адрес.

Адреса С. Шиль (3) сейчас не знаю, разыщу. Есть еще тут один человек, который знает по-датски. Но что собственно знающему датский надо делать? А то другой и знает, да с него взять нечего.

Всегда готов переводить, лишь бы толк был. Присылайте.

Много было житейских материальных неприятностей и терзаний.

Писать приходится урывками, занимаюсь мелочами. Вот и сейчас иду подговариваться на одну премерзкую работу. (4)

Как Вы живете, дорогой Аггей Андреевич, что видите, куда смотрите, что похоронили?

Время ползет не в смысле медлительности, а по-другому, время ускальзывает, не ухватишься.

Вот она какая статья, Аггей Андреевич. Не слыхали ли что о Соломоне? Как в воду канул.

Кланяемся М.Ф. и Е.К.

А. Ремизов

(1) Павел Павлович Гайдебуров (1877-1960), артист и режиссер. С 1903 г. руководитель Общедоступного театра при Лиговском Народном доме в СПб. В 1905 г. Гайдебуров организовал Первый передвижной драматический театр.

(2) Вероятно речь идет о писателе Осипе Дымове (1878-1959). Две пьесы Дымова (*Бюрократическим путем* и *Каин*) были поставлены 'Товариществом Новой Драмы' в 1906 г. (См. В.Э. Мейерхольд, *Статьи, письма, речи, беседы,* т. 2, М. 1968, стр. 597).

(3) София Николаевна Шиль (1863-1928), писательница и литературный критик, печаталась под псевдонимом Сергей Орловский.

(4) Наверно, Ремизов имеет в виду свое участие в переписи петербургских собак (см. *Грани,* 19, 1953, стр. 37).

XXVII

С.П.Б. Кавалергардская 8, кв. 28
А. Ремизов
18 дек. 1906
на 9, 17, 24 XII 1906.

Дорогой Аггей Андреевич!

Сейчас передо мной лежат Ваши три письма и отвечаю по всем трем разом.

Рукопись получил. (1) Только просмотрел. Сяду за чтение. Хотел сразу и /пер/еводить. Но лучше прочитаю все до тонкостей. Напишу впечатление. Не мог этого сделать моментально; должен бы/л/ работу работать скучную. 22. дек. собираемся ехать к Наташе. (2) Знаете, как это трудно и сколько хлопот. Бегаешь.

Приходил ко мне один издатель (есть тут компания аристократов, бывших правоведов, они затеяли Пруд издавать; условия: если будет выручка - часть ее мне пойдет). (3) Вот я ему драму Вашу показывал. Мне кажется, ее они могли бы издать без гонорара. Но В/ы н/а это не согласитесь, да и я думаю, что стоит ли так? Что касается постановки, то это дело полубезнадежное. Поставят ее, конечно, в провинции раза два три, потом в следующий сезон. Авторский гонорар в таких местах 2 р - 1 1/2 р, да вычет в 'Союз' 1/2ы. Тут нужны, черт возьми, какие-то руки. У меня особенно неудачен этот сезон. В прежнее время получал за год за все многочисленные переводы руб. 50 - 60. А теперь и этого не наберется.

Вообще с постановкой разговор впереди. На Мейерхольда надежда плохая. (4)

'Часов' не печатают. И Бог весть, когда будут печатать. (5) На днях их мне возвратили без всякого отзыва из 'Золот. Руна'. (6) Придется, наверное, отдавать печатать без гонорара.

Фамилия барыни, писавшей о датских книгах, София Шиль. (7) Не могу разыскать ее нигде, как в воду канула. Еще есть путь через Вест. Европы.

От П.Е. письма не получал (с Брандесом). Заходил к нему, хотел взять 'Ультру', (8) но не застал.

Пишу Вам в таком мрачном и безнадежном тоне: очень изверился в обещания. И пожалуй лучше так думать.

Мои дела такие.

На днях выйдет книга сказок 'Посолонь' /Мо/сква, Изд. 'Золот. Руна' 1907. 1 р. Пришлю Вам немедленно. (Условия самые неважные. За всю книгу 340 р. да

деньги получу частью по выходе, частью по распродаже книги. Это жди да пожди. Но соглашаюсь на все, а то очень все залеживается.

Затем выйдет к Рождеству: 'Луг духовный', (9) Вып. 1 (Иродиада, Илья, О месяце и звезд/ах/). Изд. 'Оры' С.П.Б. 1907, ц. 70 (или 50 к.) Это издание чисто товар/ищ/еское. Затея Вя. Ив. Иванова (просил Вам кланяться, Лидия Дмитриев/на/ больна, лежит в больнице). (10)

К маслянице выйдет сказка 'Морщинка' Изд. 'Шиповник', С.П.Б., с рисунками Добужинского. Получил за нее 20 руб., еще получу руб. 30. Да и кончено.

Хочу издавать без гонорара Сборник 1. (Белая башня (раньше назыв. В Плену) Северн. цветы и Рассказы (назову Лог, только эпитета еще не придумал)). (11) Все это Вологодской губ.

На конкурс 'Зол. Руна' на тему 'Дьявол' получил первую премию (100 р.) (очень кстати - поедем теперь к Наташе). Рассказ мой называется 'Чортик'. (12)

Когда подумаю, вот написал я Вам, дорогой Аггей Андреевич, и то и другое, в общем порядочно перечня, а толку нет. Чириков, Куприн и др. из 'Знания' за эти печатные вороха получили бы целое состояние.

Ну всего Вам хорошего.

М.Ф. кланяемся.

С рождеством и новым годом поздравляем!

Где Соломон?

А. Ремизов

(1) Вероятно пьеса Маделунга *Рабы ночи,* см. XXVIII, 1.

(2) В 1906 г. супруги Ремизовы отдали свою дочь Наталью Алексеевну (см. X,5) на воспитание родственникам Серафимы Павловны в Берестовец. Очевидно это произошло по причине трудных материальных условий, в которых они жили (см. XVI, 2). Ремизов всегда мечтал забрать дочь обратно к себе, но сделать этого, к своему прискорбию, никогда не смог. Наталья Алексеевна Ремизова получила филологическое образование в Киеве и в 1929-1941 гг. преподавала русский и французский языки в школах Киева. Она умерла в 1943 г. от болезни сердца. (Б.Б. Бунич-Ремизов, *Из воспоминаний о семье С.П. Ремизовой-Довкгело,* стр. 16-21, ИРЛИ).

(3) Во главе издательства 'Сириус', которое впоследствии выпустило *Пруд,* стояли С.Н. Тройницкий, А.А. Трубников и М.Н. Бурнашев. См. Сергей Маковский, *На парнасе серебряного века,* Мюнхен 1962, стр. 305-306. С ними Ремизова связал именно Маковский, см. *Кодр.,* стр. 49.

(4) В то время Вс. Мейерхольд работал в театре В. Комиссаржевской (с августа 1906 г. до весны 1907 г.).

(5) В эссе 'Статуэтка (Моя литературная карьера', *Грани,* 19, 1953, Ремизов рассказывает о курьезной истории издания *Часов* в издательстве 'EOS'. Что касается цензурного запрещения *Часов,* то Ремизов утверждает, что произошло недоразумение: слишком смелая обложка другого издания 'EOS'а привлекла внимание цензуры, которое распространилось и на *Часы.* Однако, статья О.В. Цехновицера, 'Символизм и царская цензура', не дает оснований предполагать какое-либо недоразумение. (*Ученые записки ЛГУ,* 76, 1941, стр. 314-315). Как

бы то ни было, запрет был снят, и *Часы* вышли в апреле 1908 г.

(6) *Золотое руно,* художественно-литературный журнал близкий к русскому символизму, выходил в Москве в 1906-1909 гг.

(7) См. XXVI, 3.

(8) Драма О. Маделунга *Род Ультра* была написана летом 1904 г. (см. М X), и тогда же Маделунг узнавал у Брюсова о возможностях напечатать ее в 'Скорпионе' (см. М XI, М XII). *Род Ультра* никогда не был ни напечатан, ни поставлен (см. рукопись статьи Маделунга для *Dansk biografisk Haandleksikon,* Архив Маделунга в Королевской библиотеке). Драма не сохранилась.

(9) *Лимонарь, сиречь: Луг духовный,* СПб., изд. 'Оры', 1907.

(10) Л.Д. Зиновьева-Аннибал (1866-1907), писательница, жена Вячеслава Иванова.

(11) *Чортов лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэма.* СПб., 'EOS', 1908. См. также IV, 6 и XV, 2.

(12) Впервые напечатан в журнале *Золотое руно,* 1907, 1, стр. 39-52, затем в сб. *Чортов лог и Полунощное солнце,* СПб. 1908, стр. 7-48, и в *Соч.,* т. 1, стр. 109-146.

XXVIII

11 генваря 1907. С.П.Б.
Кавалергардская 8, кв. 28.

Дорогой Аггей Андреевич!

Очень прошу Вас простить, что так долго не мог заняться 'Рабами ночи'. (1) На Рождество уезжал в Берестовец к Наташе. (2) А по/то/м по приезде возился с 'Лимонарем', (3) который, предполагалось, будет издан еще к Рождеству, а до сих пор еще не вышел. Надо было отделать одну повесть и отдать. И как на грех такая все выходит нецензурность (не политическая, конечно), что просто не знал, как исправлять.

Оставлю объяснения: Вы поверите, что действительно была горячка.

'Рабов ночи', как мне кажется, можно было бы предположить Гайдебурову. (4) Разговор о политике цензура театральная вычеркнет, оставив лишь речи Ивана Ивановича. (5) Это не совсем удобно, хотя как сыграть - можно такую насмешку пустить, что и ничего будет.

Иван Иванович каррикатурен, газетен. Стерн - схематичен, но все же, как и Анна, живет. Сахаров - не типичен для ученого. И то, что он спит - пожалуй чудно (если это не понимать телеопатически: что душа Сахарова постоянно общается с иными мирами).

В пьесе есть *интересные отповеди Стерна* (чувствуется Ваша душа и Ваши движения). Для заграницы она интересна. Для русских не думаю, конечно для известного круга. Нет в ней какой-то новой, бьющейся жилки. Русские же сли/ш/ком много про это знают от Достоевского. Это я строго Вам говорю лично свое мнение. Построение пьесы не оригинально (впрочем форма умышленно взята обычная). Так пишут сотни пьес. Дело с ядом - эффектно (сцена до яда интригует и захватывает). Это дает возможность пьесе идти на сцене.

Я могу ее перевести и предложить Гайдебурову; он немецким не владеет, поэтому ему нужно русский перевод.

Завидую, кто может писать драмы: я совсем не могу (6). Пишите в драматической форме, зацепляйте под самые корни.

Я сейчас одним художеством занялся. С ним и не расстаюсь.

Посылаю 'Посолонь' - книга успеха не будет иметь; словом мало кто интересуется.

В конце января, думаю, выйдет 'Пруд'. (7)

Вот написал Вам отзыв и чувствую, что не сказал еще многого. В 'Раб. ночи' какой-то позитивный привкус, и нет преодоления автором действующих лиц (последний грех, которым я страдаю и мучаюсь), хотя название само уж преодолевает, но этого мало.

Мне говорил Гайдебуров, что в январе Вы будете в Петербурге, правда это или это так по слухам?

От холода места не найду.

Бог знает что!

С.П. кланяется.

Кланяемся М.Ф.

А. Ремизов

(1) Очевидно, речь идет о пьесе, которая впоследствии была переименована в *Notturno* (Ноктюрн). Известно, что в 1909 г. в копенгагенском обществе 'Свободомыслящая молодежь' сотоялось публичное чтение этого произведения Маделунга. На бланке хранившегося в архиве писателя договора, заключенного в 1910 г. с берлинским издательством Erich Reiss о немецком издании пьесы *Russisches Nocturno,* рукою Маделунга написано: 'Stykket tilintetgjort, da det ikke ønskes spillet eller trykt. A.M.' (пьесу я уничтожил, так как не хочу, чтобы она была поставлена или напечатана. А.М.). А все же в архиве писателя обнаружен экземпляр пьесы. Заглавный лист и первые страницы рукописи отсутствуют. На основании настоящего письма Ремизов ее, однако, можно идентифицировать как *Рабы ночи.* Действие пьесы разыгрывается в русском публичном доме, где проститутка Анна отравляет гостя Стерна, узнав, что он виновник смерти ее сестры.

(2) См. XXVII, 2.

(3) См. XXVII, 9.

(4) См. XXVI, 1.

(5) В предположении Ремизова о цензурной судьбе отдельных лиц пьесы чувствуется сарказм, так как Иван Иванович представлен ярым реакционером с черносотенными взглядами.

(6) Ремизов в это время написал первую из своих трех пьес, *Бесовское действо* (1906). Наталья Кодрянская приводит свидетельство о том, почему его большая любовь к театру осталась неосуществленной: "В основе я лирик и все лирическое идет к театру. Лирика и песня основное театра, и пропетое выступит как игра. Так я стал писать пьесы'. А на вопрос: почему бросил? - Не хватило голоса...' (*Кодр.*, стр. 109-110).

(7) *Пруд.* Роман. Изд. 'Сириус', СПб., 1908. Вышел в ноябре 1907 г., см. Alex M.

Shane, 'Remizov's *Prud*: From Symbolism to Neo-Realism', *California Slavic Studies*, Vol. VI, 1971, стр. 72.

XXIX

1/14 марта 1908
М. Казачий пер. 9, кв. 34.

Не гневайтесь, дорогой Аггей Андреевич, просто изнемог и, садясь писать письмо, пишешь всякую ерунду. В скором времени выйдут 'Часы'. (1) Кланяюсь Марии Федоровне, но не могу сейчас прислать книг, потому что купить не могу. Принесли счет от молочника и из книж. магазина. Чтоб им пусто было.

Очень хотелось бы увидеть Вас на французской земле, (2) но так мало надежды, что удастся, разве чудо.

А хотелось бы увидаться и итоги подвести и о новом умом раскинуть.

Готовлю сейчас полевую, лесную и болотную книгу - продолжение 'Посолони', куда, кроме своих, вошли бы мифы славянские. (3) Потом затеял повесть из жизни и несколько смешных рассказов, и еще, если бог благословит, собираюсь комедию написать апокрифическую. Сейчас вышла моя маленькая книжка о Табаке с тремя картинками Сомова. (4) Напечатана она в количестве 25 экз. (именных). Один экз. принадлежит Вам и, получив мое письмо, известите открыткой Ваш теперешний адрес, по которому я немедленно ее пришлю Вам.

Готовится тоже в 25 экз. с рис. Бакста сказка о царе Додоке и дочери его Алене. (5)

Жизнь идет собачья. Знаете, Аггей Андреевич, даже скучно становится, а надежды на поправление нет.

Все, что Вы видели на мне, до сих пор носится, а сюртук окровавленный подымается на эстрады. И все же смеюсь по-прежнему.

С.П. Вам кланяется.

А. Ремизов

(1) См. XXVII, 5.
(2) Маделунг в 1908 г. находился в Париже.
(3) См. XXX, 4.
(4) Порнографическая легенда Ремизова *Что есть табак*, которая в 1908 г. вышла закрытым изданием в 25 экземплярах.
(5) Книга вышла только в 1921 г. (*Царь Додон*, 'Обезьянья Великая Вольная Палата', Петроград 1921).

XXX

/17. (30.) III. 1908/

Дорогой Аггей Андреевич!

Спасибо за марки и за обещание выписать. Сию же минуту снимемся с места,

как только золотое счастье привалит к Вам. Не смущайтесь, что пишу на заклеенной бумаге, пишу на своих вырезках, которые изо дня в день собираю. (1) Думаю, что в таком сообществе слово мое прозвучит роднее и пахнет на Вас милою Русью - 'колыбелью Ваших желаний'. (2) Не так ли старый верный Аггей?

Спасибо Вам за предложение переводить V. Jensen'a и ему спасибо, что доверяет. Но, что мне делать? 'Шиповник' издает 'Северн. сборники', где переводятся с подлинников. И.V. Jensen'a, насколько мне помнится, тоже будут переводить, (3) о чем его своевременно известят.

Если бы я перевел, то перевод лежал бы, кто его издаст? История издательства моих книг смешна, как многое в России по этой части. Если это интересно Вам, в одном из посланий я опишу, а лучше расскажу, когда золотое счастье упадет у Ваших ног. Не так ли старый и верный Аггей? Придется, пожалуй, только прочесть роман.

Истрачу много времени и труда, а без толку. К осени, как, кажется, писал, соберется у меня книга, назову: 'К Морю-Океану --' (4) Продам руб. за 100. А больше не дадут. Мечтал ехать в Иерусалим и прожить там месяц, но это, оказалось, стоит 600 руб., а мне сказали 25 руб. Это тоже по-русски. По-русски, того, кто выходит из нужного места, надо приветствовать 'облегчимшись!' По-русски есть портной с такой фамилией: А.Я. Волк.

'Часы' (5) должны выйти очень скоро. Немедленно пришлю. Соломон письма получил.

Поклоны.

А. Ремизов

17 III/ 30 1908

Заключение

Искал любопытную вырезку, но нигде не мог найти. Вырезка 1907 г. Дело происходит в Ферганской области в остроге: обнажив член, вставляли в канал рубленный волос: волосок за волоском...

(1) На письме Ремизов наклеил следующие вырезки из газет. Курсивом обозначены даты проставленные Ремизовым или слова, подчеркнутые им.

Киев, 29. февраля. *1908.*

Сегодня в военно-окружном суде слушалось редкое дело надзирателя военного госпиталя Цыгельмана, который обвинялся в том, что он *сел на труп генерала* Муравского, приговаривая при этом: *'при жизни прижимал нас; дай теперь я на тебя сяду'.*

Цыгельман приговорен к аресту на пять недель.

13. III. 1908

В Славянске жена служащего станции в припадке религиозного помешательства, желая принести жертву, *зарезал свою дочь.* ('Р. Сл.').

Харьков

Из монашеской жизни *1908*

4 февраля в окружном суде слушалось дело крестьянина Кушнаренко, обвинявшегося в грабеже. Дело состоит в следующем. Иеромонах Гавриил ехал из куряжского монастыря (вблизи Харькова) на ст. 'Рыжов'. Вместе с монахом ехали несколько крестьян, в том числе и Кушнаренко. Приехав на станцию, монах и Кушнаренко зашли в лавочку, потребовали пива и водки и стали 'пиршествовать', пригласив к себе какую-то модистку 'Марфу'. Эта 'Марфа' несколько раз, по требованию батюшки, бегала в пивную за пивом. Напившись в достаточном степени, отец иеромонах и модистка два раза ходили подышать свежим воздухом и оставались на дворе - в первый раз 15 минут и во второй - около получаса. Затем 'Марфа' получила от монаха адрес и приглашение приходить к нему на квартиру. Пьяный Кушнаренко стал после этого требовать от шатавшегося монаха денег и отобрал у него около 40 рублей, взял рясу, епатрахиль и др. вещи, с которыми и был задержан на соседней станции 'Новая-Бавария'. Возникло дело, и Кушнаренко предъявили обвинение в грабеже. Когда оглашалось показание свидетельницы-очевидцы 'пира', в зале суда слышался все время хохот. Беспристрастные судьи старались сдерживать улыбки на лицах, присяжные заседатели закрывались платками, прокурор смущенно погружал свой взор в законы ...

Отец иеромонах отрицал присутствие 'девицы', но не отказывался от участия в 'пиршестве'.

Прокурор в своей речи просил присяжных не обсуждать поступка монаха и дать возможное снисхождение подсудимому.

Присяжные заседатели признали простую кражу и суд приговорил Кушнаренко в тюрьму на 5 месяцев.

1908

7 февраля выездной сессией окружного суда в Верхотурье, перм. губ., началось разбором дело о старце 'Федотушке'. Живя уединенно в лесу и выдавая себя за иеромонаха, Федотушка привлекал толпы паломников, преимущественно женщин. Некоторых богомолок Федотушка оставлял при себе, *для удовлетворения своих страстей, а потом убивал.* Дело раскрылось благодаря одному солдату, жена которого ушла к Федотушке и не возвратилась. Около жилища Федотушки власти обнаружили целое женское кладбище.

1908

'Старец Федотушка'. У нас уже сообщалось о деле 'Федотушки' в окружном суде в Верхотурье. 'Р. Сл.' дает подробности этого процесса.

Два года в 'Федотушкин скит', устроенный в мрачных зауральских лесах, недалеко от Верхотурья, стекались сотни паломниц.

Слава об 'отшельнике' гремела далеко за пределами Урала.

Что делалось в этом таинственном скиту?

Перед богомолками 'Федотушка' щеголял то в монашеском клобуке, то в священнической ризе.

Будучи неграмотным, он 'служил' обедни, панихиды, 'читал' Евангелие и др. священные книги богомолкам. Но последним особенно нравились 'Федотушкины' беседы.

- Бросьте мирскую суету, - говорил он им, - бегите прочь от соблазнов, уединяйтесь, как в лесу ... Ближе к Богушку, к травке, к птичкам ...

Особенно красноречиво убеждал 'Федотушка' молоденьких богомолок. Некоторых он так распропагандировал, что они тут же заявили 'Федотушке', что больше не вернутся в мир, а останутся при нем и будут жить в молитве...

Мало-по-малу около кельи 'Федотушки' образовался целый скит.

Две или три 'старицы' были посвящены 'Федотушкой' в 'иеромонахини', причем посвящения эти 'Федотушка' совершал в архиерейских одеждах и митре.

Эти иеромонахини целый день служили по очереди богомолкам молебны, 'панихидки'.

Это днем.

А ночью, как утверждает теперь народная молва, 'Федотушка' устраивал со старицами дикие оргии. Он обучал их самому тонкому разврату.

'Федотушка' любил разнообразие.

Некоторые 'старицы' ему скоро надоедали.

И от них он избавлялся так:

- Сестра, - говорил он намеченной жертве, - через неделю тебя Богушка возьмет к себе. Готовься к этому дню...

И действительно, в указанный день скитск/ая/ братия находила сестру мертвой.

'Федотушка' их душил ...

В новых 'старицах' не было недостатка ...

И вдруг все раскрылось. В числе оставшихся у 'Федотушки' 'стариц' оказалась одна молодая солдатка. Муж ее был на войне. Вернувшись с Дальнего Востока, он не застал жену дома и, узнав в чем дело пошел ее разыскивать.

Явился в скит.

'Федотушка' заявил солдату, что не помнит, чтобы у него жила солдатка:

- Бабья ко мне ходит тьма ...

Солдат припугнул 'Федотушку' начальством. В конце-концов, тот сознался, что солдатка взята Богушком на небо.

- Своими глазами видел! Вот и могилка ее ...

Солдат в ужасе бросился из скита и, явившись в Верхотурье, сообщил властям.

/В/ скит явилась полиция и нашла целое кладбище женских трупов. Трупы лежал/и/ в деревянных колодах, которые делал 'Федотушке' крестьянин из соседней деревни.

У 'Федотушки' нашли священные сосуды, Евангелие, ризы. Все это оказалось похищенным им самим из церковных ризниц в Екатеринбурге и Верхотурье. Нашли ещ/е/ вериги, которые первое время носил 'Федотушка', завоевывая популярность среди богомолок.

1907

Нас просят напечатать следующее: 'В ночь на 14-е декабря ушел из дому отец наш, оставив записку следующего содержания: *'Дорогие дети, ищите меня в канаве против вокзала'.* Тотчас принятые меры до сих пор ни к чему не привели.

Мы умоляем всех, могущих дать о нем какие-либо сведения, тотчас нас известить. Его приметы: возраст *50 - 55 л., серый меховой пиджак, в бурчатых валенках.* Вышел он из дому, как предполагаем, в 6. ч. у. Адрес: 5 рота, 37-1, кв. 31. Семейство Арон.

1907

14 мая веч. на проходившего по набережной Фонтанки Дональдо Ждановского возле здания Министерства путей сообщения напали хулиганы и потребовали денег. Ждановский заявил, что у него денег нет. Грабители обыскали его, причем один из них учинил над своей жертвой варварскую операцию, *вырезал Ждановскому нижнюю губу.* Хулиганы беспрепятственно скрылись.

Ждановский в бессознательном состоянии был отправлен в Обуховскую больницу.

(2) Цитата из *Тоски* Пшибышевского, см. приложение 2.

(3) Иоханнес В. Енсен не был переведен для *Северных сборников.* Несколько рассказов было напечатано в антологиях *Фьорды,* СПб. 1909-1911.

(4) Напечатано в качестве продолжения *Посолони* в *Соч.,* т. 6, стр. 137-240.

(5) См. XXIX, 1.

XXXI

11/24 мая 1909

С.П.Б. М. Казачий пер. 9 кв. 34

Остался у меня лист бумаги 18-го века, на котором и пишу Вам, дорогой Аггей Андреевич! Несмотря на то, что почти год не было от Вас известия, я, получив Вашу книгу, (1) почувствовал, будто вчера мы с Вами сидели на желтом диване у круглого стола и разговаривали.

Для Вас эта книга 'давно минувших дней воспоминанье' и Вы, наверное, смотрите на нее, как на юношеские опыты. Книга на мой взгляд слишком цветиста - преизбыточна. Что Вы теперь пишете, в какие страны Ваш глаз смотрит?

Книгу Вашу сейчас дал на прочтение в круг людей, занимающихся разного рода предприятиями литературного базара. Художественного выбора от них не жду, но они с чутьем площадным и потому сказать могут: любопытна ли книга для русского читателя, о чем сделаю Вам донесение.

У нас в русской литературе за эту зиму взошла звезда - так возвещают газеты и журналы. В звезде этой благословенна приличная школа очень приличной и чистенькой манеры писать нашей 'безшумно-увядшей', по выражению Бальмонта, поэтессы Гиппиус. Мне повесть по сердцу, есть и мастерство, которое так ценно, и нет ни одного промаха начинающего. Ваша книга мне представляется более молодой, чем повесть. (2)

Еще не исполнен один завет, который исполнить до конца следует: - нет виноватых. Только при исполнении его, возникнет (конечно при мастерстве - это уже само собой) картина жизни. Всякий идет к своей цели и всякий прав. У некоторых больших художников, как у Льва Толстого, это удается, если даже вся душа его охвачена осуждением - нет прекраснее страниц в 'Войне и Мире', как описание въезда Наполеона в Россию - того Наполеона - врага Льва Толстого. Да, завет этот знал Толстой прекрасно, как знал его и Достоевский.

Я не потерял веры, что когда-нибудь попаду за границу. Дела мои материальные не только не улучшились за этот сезон (1908-9), но еще ухудшились, так что вот, когда весна и все разъезжаются, - мы сидим, подпершись кулаками. Что поделаешь? Я уже хочу с осени добиваться себе службу найти. Писать, - писать для зара-

ботка не могу. Осенью по всей вероятности выйдет моя книга рассказов 'Караван-горюн', (3) а к Рождеству 'Трагедия о Иуде принце Искариотском'. (4) Все это за гроши.

Как бы я хотел все это письмо написать Вам стилем 18 века, да побоялся, что будет оно Китайской грамотой.

Кланяемся Марии Федоровне.

Серафима Павловна шлет поклон.

Всего Вам хорошего, Аггей Андреевич,

всегда Вас вспоминающий
Алексей Ремизов

(1) Сборник рассказов Оге Маделунга *Jagt på Dyr og Mennesker* (Охота на зверей и людей), 1908, вышел в немецком переводе, *Jagd auf Tiere und Menschen,* Berlin 1909.

(2) Туманные фразы Ремизова об этой взошедшей литературной звезде дают возможность предполагать, что он имеет в виду своего и Маделунга общего знакомого Бориса Савинкова. Повесть Савинкова *Конь Бледный* вышла в январе 1909 г. и произвела сенсацию. Маделунг еще в том же году успел перевести *Коня Бледного* на датский язык (см. предисловие).

(3) Книга Ремизова под таким названием не вышла.

(4) *Трагедия о Иуде, принце искариотском,* была напечатана в журнале *Золотое руно,* 1909, 11-12, стр. 15-47, а затем в *Соч.,* т. 8, стр. 91-184. Отдельным изданием пьеса вышла только в 1919 г., *Трагедия о Иуде принце Искариотском.* В 3-х действиях. Пб.-М., 'ТЕО'; серия *Русский театр,* № 26.

XXXII

Oranienbaum (1)
Sagamilier
31 VII/ 13 VIII 1911 г.

Дорогой Аггей Андреевич!

Увы! Не вините: приехать не удастся. (2) Расчеты на скорое получение денег не оправдались. Кто уехал, а где всякие формальности еще не исполнены. На будущий год. Верьте, на будущий год мы с Вами встретимся. Мне все равно надо будет ехать за границу лечиться, а раз буду заграницей, все устроится просто. Только давайте хоть открытками обмениваться. Извещайте меня о Ваших переездах, чтобы я всегда знал, куда мне было написать Вам. Вам первое поручение, которое даст о Вас весть: пришлите мне карту Дании подробную и подчеркните цветным карандашем дурацкий фиорд. (3)

Я буду посылать Вам книги мои по мере их выхождения.

Не вините! Еще раз, Аггей Андреевич, прошу Вас о будущем годе - о весне попомнить, и не сердиться.

Если бы Вы знали, как хотелось нам на Варяжское море. В прошлом году мы

жили 21 день на Аландских островах и они живы в памяти. (4) Здесь я на несколько дней и опять в Петербург.

Кланяюсь Елизавете Карловне. (5)

От Серафимы Павловны поклоны.

А. Ремизов

(1) Курортный городок на побережье у Финского залива напротив Кронштадта. С 1948 г. называется Ломоносов.
(2) Оге Маделунг пригласил супругов Ремизовых в Данию. В письмах от 4 и 13 августа 1911 г. он сообщает Ремизову подробности относительно приезда в Копенгаген и о том, как дальше добраться до его фермы в южной Зеландии. (ГПБ, фонд 634, А.М. Ремизов, № 43. Письма Ремизову 1911 г.).
(3) Выражение 'дурацкий фиорд' принадлежит Оге Маделунгу. В письме от 11 февраля 1911 г. он пишет: 'Кроме того, купил себе маленькую ферму на углу балтийского моря и какого-то там дурацкого фьерда'. (Там же). Речь идет о Præstø Fjord.
(4) С 30 июля до 20 августа 1910 г. Ремизовы вместе с Ивановым-Разумником отдыхали на острове Wandrock (на Аландских островах).
(5) Julie Elisabeth Madelung, урожд. Rafn, вторая жена Оге Маделунга.

XXXIII

Alexei Remisow
Kirchst/rasse/ 2, II bei Delion
Charlottenburg 1 - Berlin
2 IV 1922
на пис. 25 III, пос. 27
пол. 29 III

Дорогой Аггей Андреевич,

Очень обрадовали Вашим письмом. С большой охотой поехали бы к Вам посмотреть на старого Аггея. Может, это и осуществимо летом. *Напишите мне, как к Вам добраться, /к/акими путями,* а чтобы приехать нужна датская виза. Мечтаю, хоть на неделю, на две.

Сядем за стол - и за плечами огромные годы, как кули стопудовые. И все прошло.

Но знаете, знаете, где-то в самой сердцевине я чувствую тот же огонек радости жизни, будто ничего и не было, будто так и пронесся на крыльях через все пропасти и провалы.

Серафима Павловна кланяется.

Всем Вашим поклоны.

Не забывайте, пишите мне.

Алексей Ремизов

1) Хотелось бы мне иметь все Ваши книги 2) и Ваш портрет.

AP

Соломон жив: Finland Sairala

Я буду посылать Вам мои книги, к-ые здесь будут издавать, через издательства.

XXXIV

13 VI 1922
Charlottenburg
на пис. 9 VI
получ. 13 VI

Дорогой Аггей Андреевич!

Спасибо Вам, но сейчас никак, должен кончить к 1 VII для русского журнала и получить гроши - марка падает.

Если удастся, проедем на месяц в Баварию.

Ну, время еще есть, а все-таки непременно хочется повидать Вас.

Не сердитесь, пишу Вам так кратко, очень устал и время позднее.

Алексей Ремизов

Это моя новая подпись. (1)
Кланяюсь Вашим. Серафима Павловна поклоны шлет.

(1) Слова относятся к монограмме под подписью Ремизова в письме.

XXXV

22 XII 22
Winteranfang

Дорогой Аггей Андреевич!

Получил от вас всякой снеди, очень Вы меня растрогали Вашей памятью. У нас сейчас положение особенно тяжелое:

Месяц назад, как нас выгнали из квартиры (из комнат!) и вот уж месяц ищем и ничего не находим и с 1 янв. куда хочешь, иди. У нас и елки нет - первый раз за многие годы (квартирные хозяйки ищут американцев, а в таких русских, как мы, не нуждаются - вот *единственная* причина, почему нас выгнали).

Ну, конечно, когда плохо приходится, все приятели куда-то разбегаются, и остаешься один.

И вот в такие-то дни Вы вспомнили обо мне. И я подумал: верный Аггей!

Новый адрес на/ш/ напишу Вам, как только устроимся.

А пока:

Алексей Ремизов,
bei Delion,
Berlin - Charlottenburg 1,
Kirchstr. 2,

на почте сделаю заявление.

Какой чудесный хлеб - я так и набросился, как волк. Как он называется по-датски и по-немецки? Масла я не ел лет 10, а Вашим соблазнился - Вологду напомнило. И ветчину копченую уполовинил.

Аггей Андреевич, если можно, когда будете писать мне, вложите *старых почтовых марок.* Мне это не для коллекции, а *для архива писем:* я на отдельном листе

к Вашим письмам наклею их. Так я систематизирую мою переписку.

Серафима Павловна Вам кланяется и очень благодарит, очень Вы ее обрадовали. Кланяемся Елизавете Карловне.

Когда увидите Марию Федоровну, поклонитесь от нас.

Алексей Ремизов

Приехал сюда Н.А. Бердяев - его *выслали* из России.

XXXVI

Alexei Remizow
bei Diepow
Berlin NW 23, Lessingstr. 16
Johannisnacht, 23. 6. 23

Дорогой Агей Андреевич,

что-то давно от Вас вестей нет! На август собираемся на остров Föhr в маленький город Wyk в Nord-See (Schleswig-Holstein). Совсем будем близко от Вашей земли изумрудной. Хочу Вас спросить, как Вы думаете, возможно ли что-нибудь перевести из моего на датский язык и издать в Дании? По-немецки изданы пока четыре книги:

1) Aleksei Remizow, Prinzessin Mymra
Novellen und Träume
G. Kiepenheuer Verlag, Weimar 1917
2) Aleksei Remizow, Legenden und Geschichten
Kurt Wolff Verlag
Der jüngste Tag 60/61, Leipzig
3) Aleksei Remizow, Die Schwestern im Kreuz
Georg Müller Verlag
Zweite Auflage 1913
4) Aleksei Remizow, Russische Frauen
Drei Masken Verlag 1923, München

Печатаются переводы с моих рассказов
в Der neue Merkur, München
в Die neue Rundschau, Berlin
в Vossische Zeitung

Если Вам интересно, я попрошу послать Вам немецкие книги.

Вот в чем дело:

не *для славы* ищу я издания на не-рус. языке. Вы это хорошо знаете.

Совсем другое: очень трудно приходится. Русские издательства дают гроши (да и все почти закрылись). Немецкие издатели тоже маленький гонорар дают. Единственная надежда на валютные страны: Ваш самый маленький гонорар у нас обращается в настоящие деньги.

Вот почему.

Подумайте, Аггей Андреевич, сообразите, нельзя ли чего-нибудь сделать с переводами. (1)

Серафима Павловна кланяется Вам.

Елизавете Карловне поклоны от нас.

Алексей Ремизов

(1) См. XI, 1 и XIX, 4.

XXXVII

27. 8. 23
A. Remizow
bei Diepow
Berlin NW 23, Lessingstr. 16
на 21. 8
пол. 24. 8

Дорогой Агей Андреевич,

спасибо Вам за Вашу верную память. 10 kro получил я.

На неделю выезжали отсюда и опять на старое место: Lessingstrasse. Не знаю просто, как быть на свете; за эти годы ко многому привык и как-то ничего уж не трогало, а сейчас задумался, как быть.

Пошел табак покупать. Курю самый дешевый. Взял 500.000 м. уверенно, а оказалось самый-то дешевый 600.000. Это для примера. А без курева не могу.

Дорогой Аггей Андреевич, посылаю Вам страницы из сентябр. кн. Die neue Rundschau с моим рассказом (1) из моей книги Шумы города, Из/д/. Библиофил, Ревель 21. Попытайте счастье! (это по немецки и есть Die Frage untersuchen).

Серафима Павловна кланяется, вот пошла добывать еды.

Вашим всем поклоны.

Алексей Ремизов

(1) Alexei Remizow, 'Unverwüstliches Leben', *Die neue Rundschau,* Sept. 1923, стр. 790-815. Вероятно речь идет о переводе рассказа 'Жизнь несмертельная' из упоминаемого Ремизовым издания.

XXXVIII

Alexei Remizov
120 bis Av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe
9. 2. 26, Paris
на пис. 5. 2. 26
получ. 9. 2. 26

Дорогой Аггей Андреевич!

Живы! в трудах и работе; по-прежнему - такая судьба! - без завтрашнего дня:

прожили день и слава Богу!

Пишите по-немецки. Спрашивайте - отвечу.

Серафима Павловна кланяется Вам.

B Almanach S. Fischer 1925 приложен Ваш портрет. И недавно +) в Die literarische Welt, Berlin, была публикация о Ваших книгах.

Я и подумал, читая, раз так - Аггей где-то витает, а где, а вот и письмо получил. Кланяемся всему дому Вашему.

+) Nº 7, 20.11.25 Aage Madelung, Das unsterbliche Wild. Novellen. 4 Auflagen. RM 4 (1)

Алексей Ремизов

(1) *Das unsterbliche Wild* является расширенным изданием сборника рассказов Оге Маделунга *I Dyreham* (В звериной шкуре), København 1921.

XXXIX

2. 6. 32
A. Remisof
3 bis Av. Jean Baptiste Clement
Boulogne v/Seine
(Seine)

Дорогой Аггей Андреевич,

Im schweren Moment unseres Lebens wenden wir uns an Sie.

Wir sind jetzt in einer schrecklichen Lage, denn es ist ganz unmöglich etwas in der russischen Sprache drucken zu lassen. (1) Es ist auch unmöglich irgendeine andere Arbeit zu finden. Manche russischen Schr/i/ftsteller haben sich Übersetzer verschafft, die für die Werke der russischen Schriftsteller Verleger in ihrer (der Übersetzer) Sprache selber aufsuchen. So wurden, wie Bunin, in der englischen und auch in der schwedischen Sprache gedruckt.

Ich will Sie bitten, lieber Аггей Андреевич, darüber nachzudenken, ob Sie mir nicht in dieser Hinsicht behilflich sein könnten.

Mehrere meiner Werke könnten ins Dänische oder ins Schwedische übersetzt werden, wie 'Взвихренная Русь' (La Russie en tourmente). Da jetzt manchmal davon gesprochen wird, dass sich das West-Europa hauptsächlich für das neue Russland interessiert, mache ich Sie darauf aufmerksam, dass mein Werk 'Взвихренная Русь' gerade das neue Leben, die Zeit der Revolution abbildet. Das Buch trägt aber nicht den Stempel irgendeiner politischen Tendenz - est ist ein belletristisches Werk, welches das alltägliche Leben darstellt. Wenn es Sie interessiert, so will ich Ihnen das Buch senden. Es wurde noch in keine Sprache übersetzt.

Die Ansicht, dass nur die Schriftsteller des Sowiet-Russlands übersetzt werden, halte ich nicht für richtig: vor kurzer Zeit wurden die Werken des sich auch in Paris befindenden Bunin ins Schwedische und Norwegische übersetzt - diesem Dichter ist aber die junge Literatur ganz fremd.

Für uns würde die Übersetzung meiner Werke geradezu ein Errettungsmittel sein. Sonst weiss ich gar nicht, was ich anfangen soll.

Sie kennen gewiss mein Werk, dessen Teil 'Im blauen Felde' (2) genannt, in der deutschen Sprache existiert. Die französische Übersetzung dieses Fragments haben Sie einmal von mir erhalten. Das ganze Werk heisst 'Оля' (Olia - Olga). Ich glaube, dass dieser Roman die meisten Leser in allen Ländern interessieren könnte.

Sie kennen 'Die Schwestern im Kreuz'.

Дорогой Аггей Андреевич, я верю, Вы сделаете, если можете.

Серафима Павловна кланяется Вам. От обоих нас поклон всем Вашим.

А. Ремизов.

(1) С 1931 до 1946 г. Ремизова по-русски не издавали.

(2) *In blaum Felde,* S. Fischer Verlag, Berlin 1924.

XL

/1932-1933/
A. Remisoff,
7 Rue Boileau
Paris XVI

Дорогой Аггей Андреевич

BÄRENBITTSCHRIFT

Wir gehen zu Grunde!

Deshalb schreibe ich Ihnen auch eine Bärenbittschrift, denn ich verstehe sehr wohl, dass ich als Mensch überhaupt keinerlei Ansprüche zu erheben habe. Sie sind der einzige, dem ich SO schreiben kann. Dr. Axel Munthe, der Autor des Buches von San Michele hat 100.000 Kronen gestiftet und Ihrem König zur Verfügung gestellt. (1) Von diesem Gelde sind 5000 Kronen für die Verteidigung der Bären von den Menschen und für die Beschützung ihres Rechtes auf Leben bestimmt. Eben zur dieser Kategorie gehöre ich. Ich bin ja ein Bärenvertreter. Mein Lieblingsspielzeug, mein einziges Spielzeug ist ein kleiner Bär, 'медведюшка'. Es gibt auch etwas von mir über Bären auf Englisch +); wenn ich nur etwas Geld hätte, hätte ich Ihnen dieses Buch geschickt; The book of the Bear, The Nonesuch Press, London, 1926. In diesem Buch sind von mir: 1) Her Star-Bear, 2) The Bear's Lullaby, 3) The Hare as nurse to the Bear-Cubs, 4) Hare Ivanich. Dieses Buch ist den Schulen empfohlen. Aus diesen Märchen kann man ersehen wie ich die Bären liebe. Nirgendwo kann der Bär einen besseren Schutz finden als bei mir.

Und doch gehen wir zu Grunde und
Haben kein Recht auf Leben!

Аггей Андреевич, Sie, als Schriftsteller, haben die Möglichkeit mit Dr. Axel Munthe in Verbindung zu treten. Erzählen Sie ihm doch, bitte, von unserer Lage und zeigen Sie ihm meine Bärenbittschrift. Könnte man mir nicht aus den Bärenfonds irgend etwas zukommen lassen?

Herzliche Grüsse an Sie und an Ihre Familie von uns beiden:

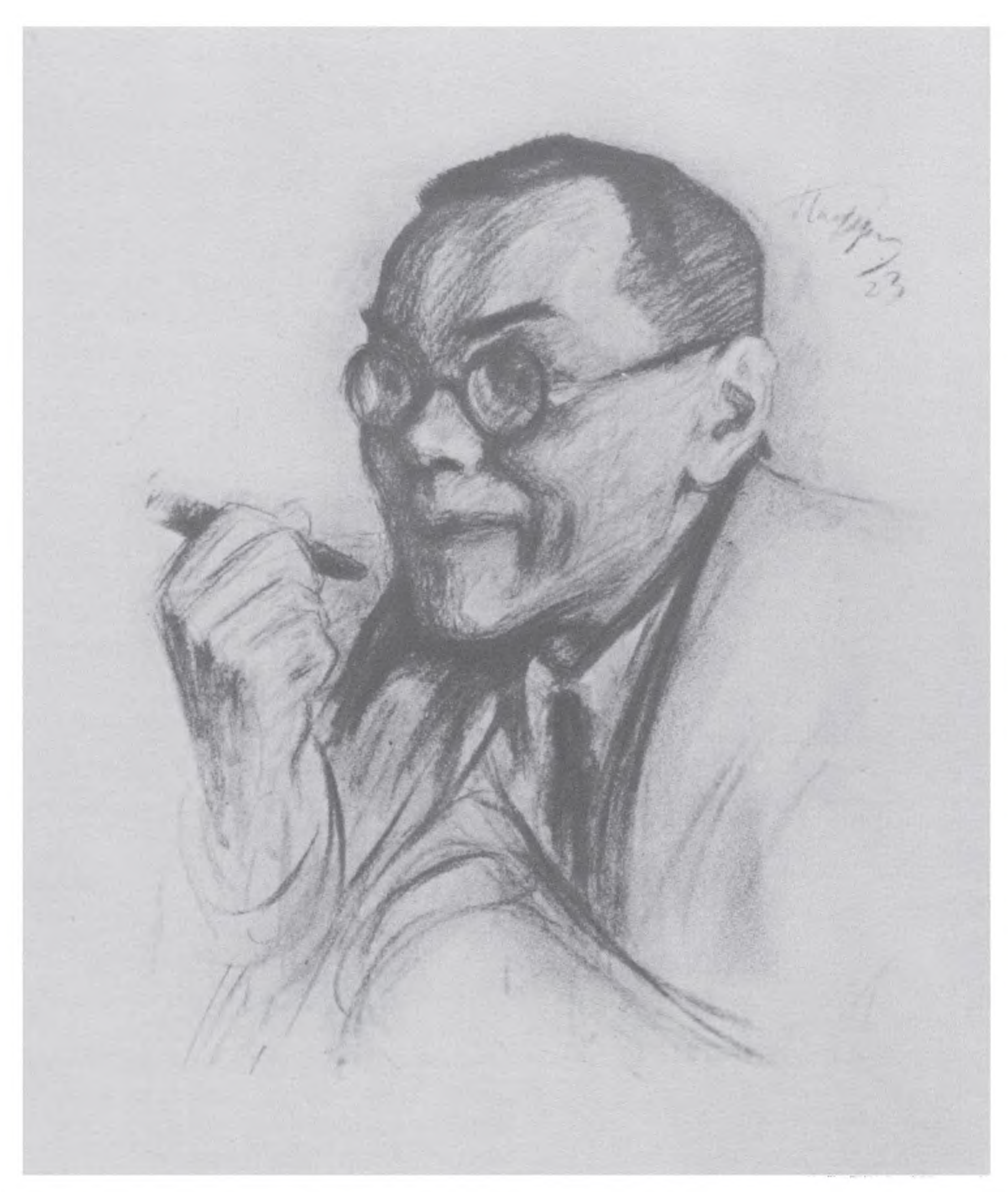
от Серафимы Павловны и от меня
Алексей Ремизов

+) По-русски много у меня медвежьих сказок.

Датируется по содержанию.

(1) Шведский врач и писатель Axel Munthe (1857-1949) в 1932 г. пожертвовал 100.000 крон на 'защиту животных и слепых лапландцев'. (*Svenska Män och Kvinnor,* 5, Stockholm 1949, стр. 352).

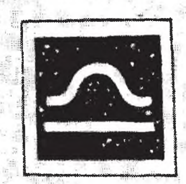
(2) Jane Ellen Harrison (ed.), *The Book of the Bear,* London 1926.

Портрет А.М. Ремизова. Художник Л.О. Пастернак (1923).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»
«ВѢСЫ», ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23.

17 января 1904.

Уважаемый
Г. Маделунг.

Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо. В Вашем последнем письме (благодарность за память) не было адреса. Обращаюсь к Вам с просьбой и предложением. Не согласитесь ли Вы участвовать в наших „Весах" и прежде всего как посредник между русскими читателями и датской литературой? Не напишете ли Вы, перед отъездом из Копенгагена, небольшую корреспонденцию о литературной и художественной жизни города: о новых книгах, о театрах, о картинных выставках? О направлении „Весов" Вы конечно догадываетесь.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов

Письмо В.Я. Брюсова к О. Маделунгу (Б II, см. стр. 62).

В. Я. Брюсов и О. Маделунг: Переписка

М I

/24. VIII. 1903/

Милостивый Государь Господин Брюсов!

Несколько месяцев тому назад мой хороший знакомый Алексей Ремизов оставил Вам мой рассказ, Sansara.

Несмотря на всю скромность, с которой отношусь к своему произведению, я все-таки решил беспокоить Вас просьбой: сообщить мне Ваше мнение и художественную оценку.

Если рассказ подходит или вообще годится, то я был бы очень рад видеть его на страницах 'Северных Цветов'. Если Вы находите его неподходящим, то покорнейше прошу Вас выслать мою рукопись сюда, т.к. через 10 дней покину Россию вероятно навсегда.

Я думаю и в будущности заниматься литературой и писать - на датском языке, - и прошу Вас позволить мне переводить из Ваших произведений: - Теперь когда я проснулся. (1) -

Переводить же Ваш стих, едва ли поддастся моему перу.

Если это письмо не застанет Вас теперь, то мой адрес заграницей: Haregab, pr. Esrom, Danemark.

С искренним уважением
А. Маделунг

Вологда 24го авг. 1903.

(1) Рассказ Брюсова первый раз был напечатан в литературном альманахе *Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством 'Скорпион'*, М. 1902.

Б I

/30. 8./ 1903

Уважаемый Аггей Андреевич!

Я прочел Sansara. Если хотите отзыва в одном слове: мне нравится. Вы сами знаете, что в ней есть образы яркие и верные, той неожиданной и трансцендентальной верностью, которая и есть искусство. Но далеко не все ровно в Sansara.
В ней есть то, что Фет называет 'широкие размахи молодой руки, еще не знающей меры', - и рядом гораздо более бледные, переходные страницы. Виктор Гюго говорил, что все искусство поэта состоит в умении умалчивать; хотя сам он этим искусством именно и не обладает, но он почти прав. Надо жертвовать даже пре-

красным, чтобы создать художественное. Sansara могла бы быть короче: это тяжелый упрек. Зат/ем/ прибавьте оставшиеся все-таки кое-где неправильности языка и излишнюю резкость некоторых выражений - и это будет все мои осуждения.

Перехожу к внешнему. Конечно, Sansara могла бы быть напечатана в Сев. Цветах. Это мое мнение. Думаю, что и соредакторы (которым я передал рукопись для мнения) согласятся с тем. Но к чему Вам ее печ/ата/ть, если Вы не имеете в виду более писать по-русски? Переведите ее на датский и напечатайте по-датски. Сев. Цветы очень строго предназначены именно для русских писателей. Не столько для 'произведений', сколько именно для писателей. Какое значение для Вас и для русской литературы будет иметь единственная Ваша вещь, написанная по-русски? Обсудите этот вопрос.

Рукопись Вашу, как я сказал, я передал для мнения другим участникам 'Скорпиона'. Если Вы пожелаете, я вышлю ее Вам в Данию.

Да! забыл еще одно замечание. Ряд страниц Sansara очень напоминает Пшибышевского, напр. его 'Мессу о мертвой'. Читали ли Вы?

Сердечно уважающий
Валерий Брюсов

Москва, Цветной бульвар 24.

P.S. Разумеется, я охотно вверяю Вам перевод своего рассказа. Но должен сообщить Вам, что он уже переводится на *немецкий* язык. Может быть это помешает Вашему переводу? Кажется в Дании очень распространен немецкий язык.

V. B.

День и месяц проставлены рукой О. Маделунга.

M II

Вологда 2/15 сент. 1903.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Примите мою искреннюю благодарность за Ваше письмо.

Теперь - год спустя после рождения Sansara - я вижу яснее те недостатки, на которые Вы указываете.

Но я боялся приступить к переработке, как иногда человек боится определить, ограничить страстные, безумные порывы сердца своего.

При переводе Sansara я не забуду Вас и Ваше отношение к моему, созданному страданиями, плоду.

Что касается печатания рассказа в 'Север. Цве.', то я понимаю Ваши возражения; но я чувствую и знаю, что никто больше меня не может любить русского слова и того непобедимого стремления к Прекрасному, Сильному и Свободному, что живет в душе лучшей части русских людей.

России я должен почти все в своем развитии, и для меня имело бы решающее значение видеть свое произведение принятым на русском языке среди писателей, которые оставили во мне неизгладимый след.

Что Sansara моя единственная вещь на русском языке, только верно в том случае, если я никогда не напишу ничего подобного, т.к. я думаю переводить будущие

произведения одновременно с датского на русский язык.

Но все же для меня в русском языке, несмотря на мои погрешности, более простора и богатства, более красок.

Конечно трудно мне предугадать будущее, ибо я беспокойный искатель 'камня мудрости' и до сих пор только случайный импровизатор, но я надеюсь на улучшение внешних обстоятельств, которое дало бы мне возможность отдаться литературе в более спокойной обстановке.

Только ради этого я покидаю Россию, но дорогих уз, связывающих меня с ней никогда не разорву.

С теперь отошедшими друзьями я пережил здесь самую духовно-приподнятую эпоху моей жизни и мне - и я думаю, что и им - хотелось видеть Sansara памятником этого канувшего времени.

Это все, что я могу сказать в защиту печатанию Sansara, и это конечно может казаться Вам и интересам 'Север. Цве.' мало основательным.

Но если Вы, несмотря на это находите возможным поместить ее, то это будет иметь для моего будущего большое значение.

Нужные изменения и поправки с благодарностью предоставил бы Вам сделать.

Теперь о Пшибышевском: я читал 'Homo sapiens' и 'Афоризмы' в конце прошлого года, 'Тоска', 'Память Шопена' и еще две-три мелких вещи в переводе А. Ремизова и И. Каляева весной этого же года.

'Пламенные песнопения' и 'мучительная красота' выражений у Пшибышевского вызвали во мне ощущение, как у человека - лишенного невинности беспощадной, сладострастной рукой - ограбленного черным, опоясанным золотом, разбойником.

Но Sansara была написана до и без этих впечатлений.

Больше всего до того времени произвели на меня впечатление: Библия, Эдгар По и некоторые вещи Гамсуна.

За позволение переводить Ваш рассказ благодарю Вас. Отдамся этой работе с любовью. (1)

В Дании немецкий язык после войны 64го г. мало распространен.

Еще раз благодарю Вас за Ваши дружеские строки, которые сердечно радовали меня.

Искренне уважающий Вас
А. Маделунг.

(1) См. М I, 1. По-видимому, задуманный перевод осуществлен не был.

М III

/19. XII. 1903 (1. I. 1904)/

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Позвольте мне поздравить Вас с праздником и с новым годом и желать Вам всего наилучшего - новых красок, новых богатств, - чтобы передать всем нам, которые любим Вас. Я всегда вспоминаю Вас и Ваше сочувствие ко мне, и тоже прошу Вас не забыть меня.

Через несколько недель я - против ожидания - опять вернусь в Россию, и прива-

зу /с/ собой новый и лучший рассказ, который после пошлю Вам.

Если я когда-либо буду в Москве, непременно навещу Вас.

Искренно уважающий Вас
А. Маделунг

Копенгаген 19/1 янв. 03.

Б II

17 января 1904

Уважаемый Г. Маделунг.

Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо. В вашем последнем письме (благодарность за память) не было адреса. Обращаюсь к Вам с просьбой и предложением. Не согласитесь ли Вы участвовать в наших 'Весах' и прежде всего как посредник между русскими читателями и датской литературой? Не напишете ли Вы, перед отъездом из Копенгагена, небольшую *корреспонденцию* о литературной и художественной жизни города: о новых книгах, о театрах, о картинных выставках? О направлении 'Весов' Вы конечно догадываетесь.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов

М IV

Вологда 18/1 1904

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Из дому я получил известие, что на мой адрес пришло письмо - будто бы от Вас.

Если это так, то прошу Вас быть любезным во избежание затраты времени передать мне содержание его сюда в Вологду.

Как только время позволит, пошлю Вам мой новый рассказ на русском языке.

С искренним уважением
А. Маделунг

Б III

/26. I. 1904/

Уважаемый Г. Маделунг!

Я писал Вам, прося позволения поставить Ваше имя в числе сотрудников Весов. Просим Вас также написать нам маленькую корреспонденцию о современной датской литературе. Не можете ли Вы сделать этого для мартовского №? Срок - 1 марта. Сообщите, пожалуйста, Ваш более точный адрес.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов

1904

День и месяц проставлены рукой Маделунга.

M V

/28. I. (10. II.) 1904/

Уважаемый Валерий Яковлевич.

С удовольствием выражаю Вам согласие поставить мое имя в числе сотрудников 'Весов', что только могу считать для себя честью.

В связи ли это с желаемой Вами корреспонденцией или с 'Сансарой', судьбу которой принимаю близко к сердцу? По Вашему письму от п.г. я понял, что Вы согласны напечатать ее в 'Сев. Цве.', изменив некоторые выражения. Я был бы очень рад видеть 'Sansara' в 'Альманахе' за этот год, ибо это во многом имело бы для меня большое значение.

С величайшей готовностью я написал бы Вам корреспонденцию о современной датской литературе, но - хотя я близко знаком с ней и многими скандинавскими писателями - тем не менее все же не решаюсь, ибо здесь под руками никаких материалов нет.

Я мог бы постепенно писать о последних произведениях некоторых более интересных современных скандинавских писателей; и если это понравится Вам, то я хотел бы начать 'черными лесами' норвежского писателя 'Thomas P. Krag', который по значению и эпохе стоит близко к 'Knut Hamsun'.

Жду Ваш ответ, чтобы немедленно обратиться за некоторыми данными к 'Krag'.

Также прошу сообщить, сколько приблизительно страниц статья может занять.

Пока я вероятно остаюсь здесь, и прилагаю мой адрес.

Если у меня явятся какие-нибудь замыслы, которые пригодились бы для 'Весов', то непременно сообщу Вам.

В общем я слишком занят поклонением золотому тельцу, чтобы вполне отдаться задуманным мною литературным задачам.

Сердечно Ваш
Aage Madelung

Вологда 28.I / 10 фев. 1904.

M VI

/13. II. 1904/

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Я писал Вам недели две тому назад относительно желаемой Вами статьи для 'Весов'. Т. к. Вы не ответили, то предполагаю, что мой план не понравился Вам.

Что касается моей 'Sansara', то и она, как я понял по Вашему молчанию не выдержала испытания других соредакторов. Да, и для меня, прочитав ее опять теперь, она потеряла блеск и яркость бывших дней.

Все Ваши замечания о ней бросаются мне в глаза, и я уже приступил к коренной переработке.

Для дебюта требуется более законченности.

Поэтому я просил бы Вас предать тот экземпляр, который у Вас, огню и забвению.

Новое издание позволяю себе послать Вам, также другой рассказ, о котором с интересом буду ждать Ваш отзыв.

Всегда с радостью к Вашим услугам.

Глубокоуважаемый

Валерий Яковлевичъ.

Я писалъ Вамъ недѣли двѣ тому назадъ относительно желаемой Вами статьи для „Вѣсовъ". Т. к. Вы не отвѣтили, то предполагаю, что мой планъ не понравился Вамъ.

Что касается моей „Sansara", то и она, какъ я понялъ по Вашему молчанію не выдержала испытанія другихъ соредакторовъ. Да, и для меня, прочитавъ ее опять теперь, она потеряла блескъ и яркость бывшихъ дней.

Вот Ваши замѣчанія о ней бросаются мнѣ въ глаза, и я уже приступилъ къ коренной

Письмо О. Маделунга к В.Я. Брюсову (M VI, см. стр. 63).

Сердечно Ваш
А. Маделунг

Вологда 13/2 1904.

Для всякого случая статья о ’Th. P. Krag’ в голове у меня выработана, и я намерен перевести один из лучших его маленьких рассказов.

Б IV

/19. II. (3. III.) 1904/

Уважаемый Г. Маделунг!

Я очень извиняюсь в своем молчании, но работа по журналу не позволяет мне вести правильной переписки. Рецензии Ваши для Весов очень желательны. Размер их - не свыше 20-25 строк нашего мелкого шрифта. Необходимо сообщать точное заглавие книги на том языке на каком она издана (автор, заглавие, издатель, место и год издания, цена). Если Вы видаете датские газеты и журналы, Вы могли бы сообщить нам что-либо подходящее и для нашей хроники.

Жду Вашего нового рассказа.

Ваш
Валерий Брюсов

19 февраля/ 3 марта 1904

M VII

/25. II. (9. III.) 1904/

Уважаемый Валерий Яковлевич.

При сем маленькая статья, (1) которую надеюсь подходит Вам. Короче не мог сделать ее.

Для хроники постараюсь найти что-нибудь. (2) На днях один из самых больших писателей молодой Дании прислал мне свое последнее произведение, которое произвело на меня необыкновенно сильное впечатление.

Будучи в Копенгагене он просил меня устроить русское издание. (3)

Книга эта несомненно нашла бы себе здесь среди всех направлений большую публику.

Зная, что ’Скорпион’ издает и переводы заграничных писателей, как: - Гамсуна, Пшибышевского, - обращаюсь к Вам, чтобы узнать, желаете ли Вы приобрести произведение моего друга и на каких условиях?

Мне не по силе перевести его, но ’Pan’ в издании ’Скорпиона’ ведь великолепно переведен /С.А. Поляковым/. (4)

Я конечно знаю, что Россия не имеет конвенции с Данией, но мне известно, что писатели между собой - образуя одно космополитическое царство - не считаются с отсутствием ее. - Перевод этой книги Скорпионом очень интересует меня, ибо в ней затронуты высоким художественным талантом мистические сексуальные проблемы, о которых до сих пор мало писали. Тем не менее могут читать книгу избранные и неизбранные.

Об этом, моей статье и желательности других жду Ваш любезный ответ.

Ваш
А. Маделунг

Вологда 25. II/ 9 марта 1904.

(1) См. X, 2.

(2) В разделах *Весов* 'Хроника' и 'В журналах' за 1904 г. были напечатаны три заметки, которые, возможно, принадлежат О. Маделунгу: об опубликованных в датской газете *Dannebrog* переводах Тора Ланге из книги К.Д. Бальмонта *Только любовь* (№ 3, стр. 72); о постановке пьесы Оскара Уайльда *Саломея* копенгагенским театром 'Дагмар' (№ 5, стр. 75); о публикации трех стихотворений К.Д. Бальмонта в переводе Тора Ланге в датском журнале *Tilskueren* (№ 9, стр. 74).

(3) Речь идет о романе Иоханнеса В. Енсена *Madame d'Ora*, см. M VIII, M XI, M XII, Б V.

(4) Кнут Гамсун, *Пан. Из записок лейтенанта Глана.* Роман. Пер. с норвежского С.А. Полякова. Предисловие К. Бальмонта. М. 1901.

M VIII

/15. (28.) IV. 1904/

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Очень рад видеть, что моя маленькая корреспонденция оказалась пригодной для 'Весов'. Постараюсь написать Вам о лучших датских писателях и также о тех жалких произведениях возрастающего направления: 'долой красный мак, долой полный кубок и опьяненность души'.

В следующий раз думаю написать о новом романе Johannes V. Jensen: Madame D'Ora, о переводе и издании которого я в прошлом письме говорил Вам, и о чем жду Ваш ответ. (1)

Я уверен в успех издания Вами этого замечательного романа.

Когда Вы возвратитесь к этому вопросу, прошу Вас сообщить мне и о его материальной стороне, - если я переведу, или перевод будет устроен Вами. -

В эти дни борьбы за свободу искусства, в эти дни, когда жаждешь того слова, что скажет все, не могу не выразить Вам свою глубоко прочувствованную благодарность за: Urbi et Orbi.

Новый восторг и новое упоение веют от Вашей речи, и я фанатично преклоняюсь пред могучим, творческим словом Вашим, ступаю с Вами на золотых полях, усеянных трупами индийских царей.

Не знаю, удастся ли мне быть в Москве и лично видеть Вас, но пока я прошу Вас принять меня у себя в таком виде, как сегодня, ради всего, что Вы дали мне своим словом и сердечным вниманием.

Посылаю Вам также 'Цветок познания' (2) с просьбой сказать мне Ваше мнение.

Относительно печатания я еще ничего не решил, ибо мне хотелось издать вместе серию рассказов под общим заглавием: Sansara.

Я слышал о новом журнале, который будет выходить с окт., где примут участие с одной стороны Вы и Бальмонт и с другой Трубецкой и некоторые мои друзья и бывшие 'односельчане'. (3) Они же и предложили мне поместить новую Sansara и 'Ц.П.', но пока я ответил, что 'день моей славы еще не настал'.

Через месяц пошлю Вам первому новую Sansara.

Я был бы Вам искренно благодарен, если бы Вы при чтении не отказались сделать Ваши замечания в рукописи 'Ц.П.' и потом послать мне для переписки.

Сердечно Ваш
А. Маделунг

Вологда 15/28 апр. 1904.

(1) В Королевской библиотеке обнаружено 3 письма к И.В. Енсену от О. Маделунга, написанные в 1904 г. по поводу *Madame d'Ora* (Архив И.В. Енсена I.2). Они свидетельствуют о стараниях Маделунга устроить русское издание романа. 10/ 23 июня Маделунг уведомляет Енсена, что собирается перевести его совместно с А.М. Ремизовым, причем переводить должен был Ремизов, а редактировать Маделунг. Однако, как показывают письма Ремизова XIII и XIV, - переводчики пропускали удобный момент из-за отсутствия необходимого Ремизову немецкого издания *Мадам д'Ора.* 29 июля/ 11 августа Маделунг писал Енсену: 'Мой переводчик Ремизов плачет потому, что Мадам д'Ора так и не явится в свободное летнее время, однако обещал перевести ее зимою'. Задуманный перевод не осуществился.

(2) См. IV, 3 и VIII, 1.

(3) Имеется в виду журнал *Вопросы жизни.* См. IX.

M IX

Вологда 8/ 21 мая 1904

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам маленькую статью для 'Весов'. Если она длинна для отзывов о книгах, то хотел бы просить Вас поместить ее, как корреспонденцию с заглавием: Johannes V. Jensen. (1)

Madame D'Ora,та книга, о которой я уже писал Вам. Я теперь решил сам перевести ее +) и поэтому прошу Вас сообщить мне, согласны ли Вы издать мой перевод и на каких условиях? Я обещал делить гонорар пополам с автором.

Если Вы пожелаете, я с удовольствием пошлю Вам свой датский экземпляр для прочтения.

Надеюсь скоро послать Вам новую 'Sansara' и слышать от Вас о 'Цвете Познания'.

В настоящее время я очень занят, или вернее должен был бы быть занятым новой драмой, которую надеюсь окончить в течение лета.

Искренне уважающий Вас
А. Маделунг

+) поэтому заметка в моей статье о русском переводе.

(1) Рецензия О. Маделунга на Johannes V. Jensen, *Madame d'Ora,* København & Kristiania 1904, была напечатана в *Весах,* 1904, 5, стр. 50-52.

Б V

10 мая 904

Уважаемый Г. Маделунг!

Мы получили Вашу рецензию о Madame d'Ora. Рецензия идет в мае Весов. (1) Что до издания перевода, то Скорпион пока решительно не может взять этого на себя. Предпринятых нами изданий т.е. частью начатых, частью оплаченных хватит на 1 1/2 года: срок очень значительный.

Я лично очень благодарю Вас за присылку Вашего портрета. Мне было это очень дорого.

Извиняюсь за краткость ответа: мучительно занят.

Сердечно Ваш,
Валерий Брюсов

(1) См. М IX, 1.

М X

/12. VII. 1904/

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам новую 'Sansara' (1) с просьбой прочесть и сообщить мне Ваше мнение.

Т.к. она вероятно в этом году не может быть помещен в 'Северных Цветах', то я был бы Вам сердечно благодарен, если бы Вы не отказались послать ее в редакцию 'Нового Пути' с просьбой напечатать.

Это имеет для меня значение нравственное и - материальное, - ввиду моего путешествия заграницу через 2 1/2 месяца. - По пути я надеюсь увидеть Вас в Москве.

Судьба 'Цветка Познания' очень интересует меня. Может быть, что Вы найдете возможным поместить его в 'Сев. Цве.' за этот год?

На днях пошлю Вам отзыв о новом романе Herman Bang, 'Mikaël'.

Я пишу уже последний акт моей драмы: 'Род Ультра', и надеюсь увидеть ее напечатанной зимой в Копенгагене. (2)

Можете ли Вы в Скорпионе напечатать русское издание?

Сердечно Ваш
А. Маделунг

Вологда 12 июля 1904.

(1) Речь идет об исправленном и переписанном А.М. Ремизовым новом варианте рассказа Маделунга, см. XIII и I, 4.

(2) О судьбе этого произведения Маделунга, см. XXVII, 8.

Б VI

/27. VII. 1904/

Уважаемый г. Маделунг!

Умоляю Вас извинить неаккуратность моих ответов: я мучительно занят 'Весами', особенно теперь, когда все мои сотрудники и помощники разъехались, кто к морю, кто в деревню. Не помню даже, благодарил ли я Вас за портрет, который мне очень дорог. О вашей новой 'Sansara' и о 'Цветах Познания' напишу Вам подробно, как только буду немного свободнее, осенью.

Поджидаю Ваших рецензий.

Ваш
Валерий Брюсов

1904

День и месяц проставлены рукой О. Маделунга.

М XI

Вологда 28го июля 1904

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Посылаю Вам отзыв о последней книге Herman Bang. (1) - Мои отзывы длинны! ...Но мне хотелось бы подробнее познакомить читателей 'Весов' с лучшими силами нашей северной литературы. Поэтому трудная и скучная - быть может для читателей - задача перерассказать содержание или сокровенную мысль произведений увлекает меня.

Я надеюсь, что Вы получили 'Sansara' и не сердитесь на меня, что я беспокою Вас так часто. Но чувства автора Вам знакомы - автора, который подобно мне после долгих скитаний духа пришел к последнему, решительному перепутью. И я решил! Все отдам единому Богу творчества! - Ваше отношение ко мне имело для моего развития большое значение и всегда будет для меня дорогим воспоминанием.

Через два месяца я уезжаю на зиму за границу, чтобы сдать драму: 'Дом Ультра' в печать и написать библейскую драму великого экстаза. К тому времени мне очень хотелось знать участь моих вещей, посланных Вам. Также хотел Вас просить сообщить мне, имеет ли 'Скорпион' возможность напечатать 'Дом Ультра'.

Сердечно Ваш
А. Маделунг

(1) Рецензия Маделунга на Herman Bang, *Mikaël,* København-Kristiania 1904, напечатана в *Весах,* 1904, 8, стр. 57-58.

M XII

Вологда 29го июля 1904

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Вчера я послал Вам рецензию с письмом, и сегодня получил Ваше письмо, за которое сердечно благодарю Вас.

Судьба моих произведений очень занимает меня, почему и сегодня пишу Вам о них.

Если 'Северные Цветы' выйдут в этом году, - что, как я слышал, не решено еще - и если обе мои вещи могли быть напечатаны в них, то я с радостью согласился бы на это. Но если выход 'Северных Цветов' и помещение моих вещей в них подлежат какому-либо сомнению, то прошу Вас оказать мне большую услугу содействовать помещению 'Sansara' в 'Новом Пути'.

Если Вы почему-либо не находите удобным для себя послать 'Sansara' в 'Новый Путь', тогда я сам сделаю попытку, и прошу Вас возвратить мне ее в закрытом конверте, чтобы не читали -.

Решение этого вопроса для меня очень важно - во-первых ради чувства автора - во-вторых ради гонорара, - если вообще эти вещи стоят что-либо в финансовом отношении.

Вопрос об издании 'Скорпионом' 'Дом Ультра' также интересует меня, и до отъезда отсюда в конце сентября мне очень хотелось бы знать Ваше мнение, чтобы иметь возможность по пути переговорить со своими знакомыми в СПБ.

От всей души благодарил бы Вас, если Вы могли бы решить все это в не слишком далеком будущем.

Как бы то ни было, надеюсь, что Вы в свободное время обрадуете меня своим отзывом. - Умоляю Вас не сердиться на меня, что так мучу Вас этими делами.

'Черные леса' и 'Madame D'Ora' печатаются теперь в 'Frankfurter Zeitung' и выйдут потом отдельными изданиями на немецком языке. 'Madame D'Ora' будет зимой переведена А. Ремизовым. (1)

Сердечно Ваш
А. Маделунг

(1) См. M VIII, 1.

M XIII

Вологда 9/ 22 сен. 1904

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Через 2-3 недели я проездом буду в Москве. Мне очень хотелось бы видеться с Вами лично и вместе с тем узнать Ваше мнение о моих рассказах и судьбу их.

Так как я не знаю, когда и где Вам удобнее видеть меня, то я был бы очень благодарен за несколько слов относительно этого.

Я думаю быть в Москве в один из понедельников утром, чтобы поспеть на пароход в Ригу.

Уважающий Вас
А. Маделунг

Б VII

/13. IX. 1904/

Уважаемый г. Маделунг!

Все *вторники* вечером от 7 я бываю в конторе 'Скорпиона', в понедельник с удовольствием буду Вас ждать у себя (Цветной бульв., д. 24, кв. 6) между 5 и 9. Прошу Вас только в свое время уведомить точно о дне, когда будете.

Уважающий
Валерий Брюсов

13. сент. 904

M XIV

СПБ. 7го окт. 1904

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Посылаю Вам обратно 'Цвет Познания' с просьбой при случае прочесть.

Прошу Вас и Вашу супругу принять мой сердечный и глубокий привет.

Ваш
А. Маделунг

Адрес: St. Knudsvej 31, II. F, Copenhagen.

M XV

Вологда 12 марта 1905

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Несколько времени тому назад я просил Вас сообщить мне, будут ли мои вещи помещены в 'Северных Цветах' или нет.

По Вашему молчанию я понял, что Вам неприятно отказывать мне.

Так как мое мнение относительно печатания этих вещей изменилось в таком смысле, что это уже не может иметь такого значения для меня, как раньше, то в случае ненадобности прошу рукописи возвратить, ибо они мне нужны здесь.

Я также обратился в контору 'Скорпиона' с просьбой выслать мне и одному знакомому 'Весы' и 'Пан'. Он уже давно получил, а я нет. Извиняюсь, что беспокою Вас и этим делом, и искренно благодарю Вас за все Ваше внимание ко мне.

Сердечно Ваш
А. Маделунг

Приложение 1
О. Маделунг, Sansara

Положи меня, как печать, на сердце Твое, как перстень, на руку Твою: ибо крепка, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность.

Песнь Песней

Это было не в один из тех дней, которые считаются критическими для небесных сфер, но в один из тех, которые являются роком для человека, ибо хаос его чувств наводит ужас и мрак на душу его.

Я боролся, чтобы быть выше и сильнее Всех и Всего и Ее, боролся, чтобы не подчинить таинственной Ее власти всех моих нервов, - последней искры моего я.

Я, подобно Иакову, боролся с моим Богом, чувствовал, как башни и стены моего духа рассыпаются во прах.

Есть чувства и страсти, которые бросаются из засады на человека, как стада сказочных чудовищ, как толпы проклятых духов. Они поглощают его. Ад зовет в его сердце к неслыханным преступлениям, и черные призраки оставляют следы обрызганных кровью ног в святыне его души.

Пади во прах ! ибо даже герой, готовый на величайший подвиг, в отчаянии должен склонить свою голову.

Кто никогда не боролся так, кто никогда так страстно не желал слиться с другим существом, тот остался вдали от берегов той реки, где тихими потоками встречаются жизнь и смерть, тот никогда с тревожным чувством не догадывался о той стране, где вечная душа жизни и сущности горит, как могучее пламя...

Я лежал лицом в подушках моего алькова, - не тот я, которого звали последним или первым из мужчин, но сокровеннейшая мысль моего я, не побежденная ни землей, ни ее страстями.

Так заснул я глубоким сном, каким засыпают после великих волнений и смертельных опасностей, каким забывается осужденный на последней заре перед казнью.

Сны и образы витали над моим сердцем, как небосклоны иных стран и иных звезд, шумели, как ветви пальм под мягким ветром тропиков. Я уходил в жизни, которые были, и которые будут, я освобождался от тяготеющих уз пространства и времени, я становился свободным духом, единою мыслью, властелином, сорвавшим с себя все цепи бренности.

———

Я глубоко вдыхал ветер знакомых берегов.

Облака плыли навстречу мне, как большие, окаймленные пурпуром птицы в объятом пламенем течении вечерней зари, - и под ними северное море с длинными

перекатами темных волн.

Бил монотонный, печальный прибой о бледный песчаный берег, и вдали корабль уходил, словно мечта к сказочным странам.

Порыв ветра коснулся моего плеча, и я повернулся к земле, восстающей из моря. Захрустело, когда я обернулся, будто флюгер заржавленный, колеблемый под ветром.

Теперь леса расстилались подо мной, окутанные в кровавой роскоши осени, содрогались в мрачном трепете вечера, словно к смерти приговоренные дружины умерших королей.

Большие ласточки повисли, как черные кресты на красном небе, и ночные бабочки шелестят, как далекий хор таинственных звуков.

Зловеще лают собаки на острый серп луны; кажется, вот упадет он и отсечет тот нерв, что держит землю на небе...

Забытые воспоминания протягивают, как бледные тени, руки ко мне. Слова, замершие на устах, слова вечной любви и ненависти воскресают в моей душе.

Там дорога через лес и река с клубящейся водой и немые рыбы с устремленными к Свету глазами.

Окна горят, как расплавленный металл, в белом доме на берегу, и горячее дыхание туманной земли сливается с оплодотворяющими пылинками луговых цветов.

Так светло за этими белыми стенами, так ослепляюще светло и бесконечно грустно.

Перед зеркалом фарфоровые куклы с застывшими улыбками на желтых лицах.

Аромат сладострастно-кричащего шелка, мечтательно молчаливого полотна, фантастических кружев...

Летом ночью лунный свет падает на кровать 'из птичьего глаза' и играет на ковре, будто сеть с причудливыми серебристыми рыбками в горном озере.

Длинные волосы ползают, как черные ужи в цветнике...

Жаждущие...молящие уста...и белые руки...ищущие...обнимающие...

Кровь вопиет: одно слово...одно имя !

Так грустно, так бесконечно грустно.

Когда-то она жила здесь !

Она явилась, словно ответ, раздающийся из темных дебрей судьбы, как 'Да будет свет!' что в туманностях души пробудил воспоминание, что мы когда-то родились в солнцем навеянной мечте и вечно под тенью существований находили и теряли друг друга.

Когда-то, - когда-то давно мы возгорели в любви и погасли в смерти... но теперь ?

Я посмотрел вниз, и кровь застыла во мне.

Простираясь к облакам на шпице башни, колебался под вечерним ветром заржавленный флюгер, и флюгер этот - я, тот я, что есть, и которого все таки нет, - то, что теряется в вечных вращениях бытия и небытия вокруг одной точки.

Я замер в ужасе: страшное существо было приковано со мной в железе флюгера.

Пригнутое на коленях оно охватывало меня неразрывным объятием, и, вцепившись в холодные волосы, я одной рукой отдернул изъеденную червями голову,

и другая с ножом была поднята над вздутыми жилами шеи.

С дикой радостью я впивался в широко открытые помутившиеся глаза, ибо это был мой смертельный враг, которого я ненавижу, - ненавижу и люблю, как только можно любить своего врага, когда рука поднята к смертельному удару, и красная кровь должна погасить и любовь и ненависть.

Нет ! Это был враг моей жизни, враг моей вечной сокровенной сущности, который давит меня своей рукой мертвеца, чтобы душа моя не могла освобожденная вознестись к сияющему постижению мировой загадки.

Был ли это мужчина или женщина ?

Нет! Это плод, что кричит во чреве матери, гниющий труп с растущими ногтями и волосами, черная рождающая земля, бедро моего тела, которое я люблю, - нет, ненавижу из за дум моих о вечности.

Но близок час, когда наш путь пройдет через огненный знак Сатурна, и тогда я брошу тебя, ты ужасный двойник моего существа, на костер столкнувшихся звезд.

Между дрожащими звездами громадный метеор описывал сверкающий круг и пролетел к земле мимо меня, как огнедышащее чудовище.

Мир содрогнется в своих основаниях. Вечно в себя возвращающийся круговорот жизни и смерти охватывает меня. Это чудо рождения; это жизненный свет возрождения, который зажигает свой красный факел в мрачной тиши моего сердца.

Черная уничтожающая земля вновь открывает свою, наполненную трупами, пасть, чтобы поглотить меня, но я холодно и страстно вонзаю нож в вздутые жилы шеи...

Я слышу резкие, сладострастные крики, чувствую кровь, несущуюся дымящимся течением надо мной, и открываю глаза..
....
....

На галерее башни стоял я с бесчувственной женщиной на руках.

Произошло то чудо, о котором говорит легенда, окутанная мраком тысячелетий ?

Ты ли это, моя вечная любовь, что единосущно со мной в день творения упала в круг солнечных царств жизнетворной искрой Воли вселенной ?

Ты ли это, за которой ныряет сердце мое, словно пурпурный лебедь в глубинах моего существа?

Да, это Ты, что после страшного разделения на полы, подчиненная тысячам владык в круге творения, ищешь Твоего потерянного брата, которому Ты принадлежишь одному!

Проснись, безмолвная ночь моя, к жизни и любви!

Приди, как 'Да будет Свет!' воскрешающий в туманностях души воспоминание, что мы когда-то жили в одной мечте о мирах!

Помнишь ли клубящиеся воды реки, немые рыбы с устремленными к солнцу глазами, и ночи с лунным светом, как серебристые неводы, влекомые в горных озерах ? Проснись ! Для одного меня !...

- Я помню все. Я твоя ! Я люблю тебя ! - шепнула она, и голос ее звучал, как вздох в цветах Эдема, как ночные трепеты в папоротниковых рощах, осеняющие воды забытых рек.

- Из сфер, где властвуют смерть и забытье, я вернулась к тебе. Уйдем же на родину предков, где огненный цвет Экстаза, словно светлая душа, простирается к небесам, где белые лотосы, как вуали потопленных девственниц, колеблются на священной Реке.

Обнимай ! Дай дыхание твоего сердца услышать ! Дай сердце твое !

Сокруши меня, как кровавую печать, скрывающую великое единство бытия !

Я единая печать на загадке мировой сущности. Сокруши меня ! - и ты увидишь Древо жизни, что Херувимы сторожат...

И мы погружались в неизмеримое Ничто, где лишь души наши горели единым пламенем, как факел в крепом обтянутых сводах.

Время и пространство становились мертвыми звуками.

Мы полетели через мириады существований, разбивающихся, как трескающиеся льды в замерзших океанах.

Суета и горе сменяющихся поколений звучали в нас, как страшное проклятие, как шумящее море с разбитыми армадами, - но сомнение и страдание для мысли - побуждение к новым завоеваниям, - то горькое снадобье, которое Новые Люди будут иметь на знамени, когда они через переполненные трупами Отделяющие Пропасти вытеснят самую смерть из пределов человеческого Духа... Ведь Любовь - сестра тебе, ты, великая мировая скорбь, нет, она тайная супруга твоего существа, и загадка, которой мы так жаждем, сияет в ее сердце, как всеотражающий камень.

Тысячелетия сменялись по нашему пути, как опадающая осенью листва. А Сиамайя, дочь великого раджи долины Ганга, покоилась на моих руках, и ветер играл ее волнистыми волосами.

- Очнись, Сиамайя ! Очнись ! Вдали светится Гималай сияющими звездами на челе Твоей родины.

Солнце припадает кровавыми лучами на девственные покровы белоснежных вершин.

Это Твоя грудь, Сиамайя, белоснежная с розовыми вершинами !

Помнишь давно минувшие дни, когда для тысяч поколений звучала колыбельная песнь из храмов Будды, где белые слоны и пестрые птицы дремали на мраморных плитах.

Ты дрожишь ?

Разве Ты забыла о древнем роде Твоем ?

Смотри ! Все земли от склонов Гималая до великого океана Твои !

Народ бросается во прах перед Тобой, жрицы молят Будду, да сохранит он Твою красоту и великую душу.

Ганг лениво ползет, словно темная змея, среди бамбука и рисовых полей, мимо храмов и дворцов Твоего отца в Бенаресе.

Смуглые индусы и паломники из далеких желтых стран купаются в священных водах, где спят сытые чудовища с открытыми глазами.

А там, глубоко под дворцом, - сокровищница, где хранятся бесчисленные драгоценности и на пальмовых листах незабвенные слова Будды.

Не дорог ли Тебе Ганг, Сиамайя ? Волны его шепчут еще о красоте Твоего тела, которое светилось на солнце, как золотой упругий лук.

Ты плачешь ?

Ты в холодном безмолвии закрываешь глаза ? -

- Дорогой мой, я вечно твоя ! Все, что бессмертной тоской живет в тебе,- мечта моей души.

Но в безысходной тоске закрываю глаза перед болезненными воспоминаниями о нашей судьбе.

Вспомни, моим отцом ты был назначен хранителем всех сокровищ и зуба Будды, но для тебя из всех сокровищ драгоценностью была одна лишь я.

Все забывал ты ! И рабы, подосланные цейлонским царем, украли реликвии нашей страны.

Пред всем народом ты был низвержен из высшей касты и осужден на смерть.

Но тогда в безумной гордости вскочил ты на подножье храма и, стоя рядом со священным зверем, воскрикнул над народом:

- Что мне раджа, зуб Будды, когда осталась Сиамайя ! - - -

Да, дерзаю говорить о дочери твоей, раджа! О ней мечтаю всем вдохновением снов! О ней я говорю, как о сокровищнице мира, бесценной, величайшей, перед которой опозоренными падают во прах зуб Будды и все его слова и мощи - - -

О ! Нет власти черным духам надо мной, ничтожный раджа !

Тебя, твоих рабов и Будду я презираю !

Я выше вас ! Глубоко в своем сердце я ношу истинные мощи жизни.

Это - Сиамайя !

Она моя, раджа !

И навсегда ! - - -

Убить меня ?

Убей ! Но ее во мне и меня в ней убить нельзя ! Не нас, себя убьешь, раджа ! - - -

Они раздавили тебя под щитами, бросили чудовищам в Ганг, но я, вздымая руки к небу, за тобой ушла по мрачному кругу творения.

И я снова твоя ! Хочу быть у тебя ! Хочу единосущно с тобой погасающей искрой воли вселенной погрузиться в Нирвану. -

В звездную ночь Индии мы снова стояли перед замком раджи в Бенаресе.

Грудь спящей земли глубоко дышет, тревожно дышет, будто громадный голодный зверь.

Мы поднялись по широким ступеням, окаймленным каменными чертами Будды, погруженного в раздумье над примиряющим 'Ничто', прошли чертоги, где тени поникли перед нами, и по знакомым проходам, ведущим глубоко в землю, мы спустились в сокровищницу, где, раскинув руки, спали недвижные рабы.

Я открыл потайную дверь.

Драгоценности востока сверкали огнем, и с пальмовых листов в громадном саркофаге говорили вдохновенным голосом слова Будды:

У тех, сердца которых устремлены к Нирване, греховность умирает.

Да, наши сердца устремлены к Нирване... Но что мне слова Будды, когда Сиамайя - вечное слово.

Шепот наших душ я слышу. С легкими крыльями хотят они вознестись к вечному миру.

Да будут ложем последним эти пальмовые листы, и вознесутся к небесам слова писания гимном нашего нерушимого обнимающего соединения !

Очи Твои, полные тайны, устремлены на меня... сквозь поцелуи незабвенные

речи мне шепчешь ... Сиамайя ! - - -

Замирают сердца, дрожа, как свечи, погасают с мерцающим пламенем ...

———

С самого утра мы работали в развалинах древнего дворца в старом Бенаресе.

Я руководил раскопками.

Я любил Индию и, измученный сомнениями, находил покой в глубоких мыслях Будды. Моя фантазия возбуждалась сказочным прошлым, глубоко прочувствованными преданиями этой обетованной земли.

Особенно пленял меня Бенарес, и порой казалось, что когда-то давно я был здесь.

Мы только что раскопали длинный спуск, направленный из разрушенных верхних покоев дворца.

Черные ступени лестницы, истертые босыми ногами давно канувших поколений, вели в подвал, огороженный глухими каменными стенами.

Наступали жаркие часы дня, и я отпустил своих помощников, сам же, не зная почему, замедлил и вернулся в подвал.

Помню, когда мы нашли эту лестницу, меня еще тогда охватило странное мрачное волнение, и оно разросталось. Теперь же казалось мне, что тут за стеной живет что-то страшное, разгадка какого-то безумного вопроса.

И я ходил вдоль стен и напряженно вглядывался в своды и чуть заметные щели.

Яркий солнечный день сверху освещал подвал мягким полусветом.

В глубокой задумчивости я остановился, и вдруг бросилось мне в глаза маленькое треугольное пространство на темной стене, как-нибудь вызванное рефлексом солнечных лучей.

Стараясь исследовать эту загадку, я переходил с места на место. Случайно лучи упали мне в лицо, и я увидел, что отбрасывает их блестящий камень, вделанный в стену против лестницы.

И странное ощущение испытывал я: лучи, раскалывая мой череп, проходили сквозь мозг и притягивали меня к освещенному пространству.

Я быстро обернулся, и мои сухие лихорадочные глаза увидели тончайшие неровности гладкого камня.

Но что это !? - - -

Я хотел отскочить, бежать, выть, как зверь, рвать волосы, но я был, будто прикован светом. На стене я ясно различал отпечаток человеческой руки.

Слепой ужас охватил меня.

И вне себя, как беглый сумасшедший, ищущий убежище, я с дикой решимостью сжал таинственный отпечаток и всей тяжестью моего тела надавил на холодную стену.

И часть каменной стены поддалась.

- Тайная дверь в сокровищницу ! - шепнул я.

Спертый запах гробниц хлынул на меня, когда я ворвался.

Несомненно находился я в сокровищнице какого-то раджи.

Золото... драгоценности... дорогие камни...

Мой взгляд, скользя по этим богатствам, остановился на громадном саркофаге, над которым в солнечной струе играли вековые пылинки.

- Это тот саркофаг ! - глухо прозвучало где-то в моей душе.

Казалось, Майя упала с моих глаз. И я чувствовал, мертвенный холод обнимал всего меня.

Я чувствовал близость беспощадного, неминуемого решения загадки моего бытия.

Она зовет меня властным голосом, как смерть зовет.

И я открыл саркофаг.

На пальмовых листах лежали два белых скелета, улыбаясь большими зубами и пустыми глазами.

В объятиях лежали они.

- Тот маленький нежный скелет - женщина ! - сверкала слабою искрой мысль во мне.

Да, женщина... белые горячие руки, маленькие ступни ! -

Кровь бешено мчалась в моих жилах и сжимала сердце.

- Сладострастные бедра... и таз, как золотая чаша, полная...

Да, женщина ! - -

Я вижу грустное прекрасное лицо с широким лбом, маленьким ртом!...

Я опустился на колени и с безмерной нежностью взял ее руку.

- Когда-то... когда-то давно мы возгорелись в любви и погасли в смерти, - звучало глубоко во мне.

Мы родились в солнцем навеянной мечте, и вечно под тенью существований находили и теряли друг друга. -

На ее груди лежал пальмовый лист.

У тех, сердца которых устремлены к Нирване, - прочитал я, - *греховность умирает.*

- Но наши сердца, были ли они устремлены к Нирване ?

Знать все, как оно есть в действительности, - читал я дальше, - *есть Нирвана, высшее блаженство,* - и голос мой так звучал, будто прошел он бесконечные пространства.

- Да, знать все, все знать, как оно есть в действительности, есть Нирвана! - едва повторял я, и взгляд мой вдруг застыл на втором скелете.

- Знать все, все знать ! - бормотал я, и глаза мои наполнялись жгучими слезами, слезами ужаса, как в полночь, когда призрак тайных преступлений - черный зверь, шмыгая, к тебе крадется.

- Знать все, как оно есть... - шипел я в смертельной агонии, - знать, что этот длинный скелет с золотым кольцом на ноге - я !

Я чувствовал смерть.

И знал я, что мозг мой разлетается вдребезги, что, пораженный лучезарною молнией, вижу страшную тайну бытия.

И из моих в смерти искаженных уст рвалось последнее слово:

- Сиамайя !

Приложение 2
Ст. Пшибышевский, Тоска
Перевод А. М. Ремизова и И. П. Каляева

Вокруг Твоей головы венок из увядших цветов, будто корона из черных солнц, а лицо Твое завеяно трауром оледенелых звезд.

У ног Твоих умирает буря моей жизни, угасающей волной обливает стопы Твои больной плод души моей -

Серыми крыльями окружает Тебя безумство моих темных роков - колыбель Ты моя, гроб Ты мой !

Из темных туманностей моего начала выросла Ты в гряды хмурых небес, в слабой жемчужной раковине бытия моего плывешь в глухие безбрежности, Ты - болезненная красота, великая, высочайшая -

Ты Тоска !

И почему стала Ты мне гробом, почему ж горящие Твои песнопения, которыми тянешь других в непонятные края красоты, каркают зловещею судьбой в моей душе, а красные факелы, что ставишь другим по пути к вершине счастья, почему ж погребальными свечами обступили они ложе мое ?

Была Ты моим братьям словом Бога, что из Ничего миры сотворяет, была Ты им ребром Адама, что таит в себе чудеса святые, была Ты им вечностью и безграничною мощью - только в мою голову вонзила Ты сухие шипы тернового венца. -

Ты, болезненная красота, великая, высочайшая.

Ты Тоска !

А ведь было предначертано, что душа моя, полная Твоей божественной силой, возродит вновь в новой мощи и красоте весь мир и всякую тварь -

- Ибо и ему и мне дано одно семя -

Было предначертано, что душа моя будет рукой Твоего всемогущества, воздухом, что напоит новой сладостью все сотворенное, обоймет все миры, сорвет с их тайн печати, а над звездами от одной до другой раскинется, будто царский плащ, а на нем почиет святое величие Твое - Искупление.

И еще было предначертано, что отдашься Ты в мою волю, дашь взять себя обручальным кольцом слова моего, осенишь звуки, что выплывут из-под моих рук, лучистою ширью родимых полей моих, огласишь мои мелодии той жизнью и той силой, что вздрагивает весна в вечных зачатиях своих.

Из за темных гор сулила Ты взойти кровавым солнцем над новым царством Твоим и никогда уж не закатываться, ибо в новом Твоем царстве не заходит солнце.

Моей мукой, моей Геенной сулила себя искупить Ты ради нового грядущего, ради Нового закона.

А вот, видишь ? Тут царствую, как Вождь Полчищ, Я, Твое искупление, и ад Твой !

Смотри! Величие Твое охватило все жизни. Я - Твое последнее слово, что

рукой вездесущей и всемогущей пишет в тьмах грядущего деяние, от Бога рожденное, деяние Нового Завета, Деяние срывания всех печатей.

Тут сижу я на моем троне и думаю, где ж найти мне искупление Твое.

А теперь вижу Тебя !

Вокруг Твоей головы венок из тысячи нагих молний, бури веков разметали Твои волосы, и целая вечность счастья и людского отчаяния потонула в Тебе. Плывешь Ты на тучах обезумевшей власти, а воля Твоя, будто омут кипучих сил.

О дай мне аккорд, чтоб объял Твою мощь. Дай мне то властное слово, дай мне *Да будет !* первого дня, чтоб передать о Тебе.

Этот аккорд, это слово, что с торных дорог миры низвергает, аккорд, что единым огромным солнцем, единым огромным пожаром от ветра до ветра по небу разольется - ох, аккорд этот ! ох, это слово !

Сильней, ближе, еще, еще ! Ах ! Кто знает то слово, кто знает тот аккорд ?

Я знаю эту песнь, Я - сын Твоей бури, Я - сын Твоего отчаяния, Твоих вечных безумств !

Дай мне ту новую песнь - сильнее, ближе ! Ближе еще !

Разлейся на мировой хаос струями кричащих молний, разверзнись ураганом, что вздымает под небо горы песков, разразись тем гневом Иеговы, что с Синая низвергал громы: *Аз есмь Господь Бог Твой!*

Уж слышу трепетание крыльев той песни, вот заклубился ураган ее силы в моих жилах, уж выпрямляюсь, росту, подпер головой небо, вот сокрушаются волны, уж проблеск дали безгранной, вот вечности вздох, вот...

Нет ! Кончено !

Как червь подтачивала Ты мой царский трон, точила неустанно, точила пока не зашатался, заколебалась царская корона на моей голове, а с моим троном Цезарей рухнулся я оземь: осколки и лохмотья - вот порфира моя...

Холодным блеском погасших солнц меркнет лицо Твое, на Твоей голове венок из увядших цветов, а в слабой жемчужной раковине моей немощи плывешь в темную даль теней и бессилия, Ты - страшная красота, великая, высочайшая -

Тоска Ты.

Не сердитесь, пишу вамъ
такъ кратко
очень устал
и время позднее

Азъ Ремизовъ

Это моя новая подпись

Кланяюсь вашим
Серафима Павловна
поклона
шлет/